

РУБЕН МАРКАРЬЯН

КОПЬЕ
СУДЬБЫ

Рубен Валерьевич Маркарьян

Копье судьбы

Серия «Артём Каховский», книга 3

Серия «Исторические приключения»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70125544

ISBN 978-5-00155-647-3

Аннотация

Адвокат Артем Каховский вместе со священником Эчмиадзинского монастыря (Армения) отправляется на опасные поиски пропавшего Копья Судьбы. Их задача – найти его раньше, чем это сделают члены средневекового жестокого общества Тайного суда. Где хранится подлинное Святое Копье, кто с его помощью жаждет очистить землю для золотого миллиарда? Какие тайны и реликвии хранят древние храмы, чем закончится сражение добра и зла в этот раз?

Остросюжетный детектив известного адвоката и писателя, лауреата Национальной премии в области адвокатуры 2021 года в номинации «Золотое перо» Рубена Маркарьяна придется по вкусу не только любителям исторической литературы и мистики, но и ценителям экшена. «Копье судьбы» – третья книга автора о приключениях Артема Каховского.

Содержание

От автора	5
Пролог	7
Глава 1. Берлин	10
Глава 2. Ереван	26
Глава 3. Эчмиадзин	37
Глава 4. Настоятель	48
Глава 5. Мировой заговор	61
Глава 6. Музей и Монастырь	73
Глава 7. Дьякон Ованес	84
Глава 8. Встреча с неизвестным	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Рубен Маркарьян

Копье судьбы

© Маркарьян Р. В., 2023

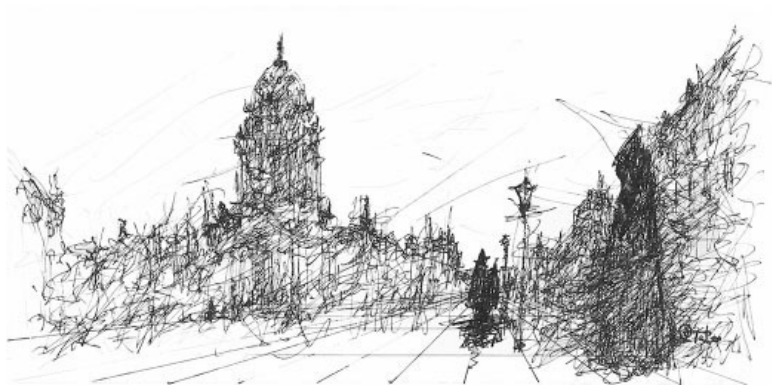
© Татевосян А. Г., иллюстрации, 2023

© ООО «Яуза-Каталог», 2023

* * *

От автора

Дорогой читатель! Благодарю за интерес к книге, надеюсь, будет интересно. Ведь история, рассказанная в романе, не только об извечном противостоянии добра и зла и о выборе, который в этой битве делает каждый из нас. Она еще и о том, что потерянные сокровища, на поиски которых мы отправляемся, на самом деле находятся у нас перед глазами. «Если по человечеству ударит смертоносный вирус одновременно с пропагандистским вбросом о пропаже главных религиозных реликвий мира, и если эти чудодейственные предметы вдруг окажутся в руках одного лица или группы лиц, тайных авторов этой самой новой пандемии, и они объявят себя главными избавителями человечества, то, как вы понима-

ете, мировая цивилизация закончится весьма печально», – говорит в романе священник. Но разве это не то, что мы видим в реальности? Разве «золотой миллиард» не стремится реализовать свою мечту – жить в достатке на свободной от «низших» людей планете? Авторы человеконенавистнической идеи стремятся уничтожить «лишнее» человечество, в первую очередь, стараясь лишить нас Бога. Кто-то должен защищать и Его.

Особую благодарность выражаю Верховному Патриарху и Каталикосу всех армян Гарегину II, главе Российской и Ново-Нахичеванской Епархии Армянской Апостольской Церкви архиепископу Езрасу, чьи благословение и помощь стали отправной точкой в написании книги; действующим настоятелям монастырей и священникам (их имена сохранены или изменены в тексте); всем моим друзьям и просто людям, с чьей помощью новый роман увидел свет.

Пролог

Отчетливо Артем ощущал свое тело, усаженное на деревянный резной трон. Он – сорокалетний, спортивного телосложения и привычек адвокат из XXI века, не отягощенный болезнями. А это было тело возрастного человека в белой расшитой золотом тунике. Ступни ног, втиснутые в кожаные сандалии, ужасно болели, как и колени, локти и спина. Все тело ломило и зудело. Артем застонал.

Стоящий рядом темнокожий человек, одетый в тунику попроще, подобострастно изогнувшись, подал ему золотой кубок с водой. Артем со странным чувством понимания обыденности происходящего взял сосуд, сделал несколько глотков. От холодной влаги заболели зубы, струйки воды побе-

жали по непривычно длинной бороде, которую Артем никогда не носил.

Напротив, в лучах яркого солнца, льющегося из окна, стоял молодой человек с длинными волосами и бородой, в простом хитоне странника и истоптанных сандалиях на деревянной подошве. Хитон был подвязан поясом, к которому оказался подвешен довольно внушительных размеров кошель, явно не для монет. Внутри, очевидно, лежало что-то тяжелое и громоздкое.

– Я давно уверовал искренне, что Иисус – истинный Сын Божий, – услышал Артем свой голос, хотя и не собирался этого говорить. Слова будто сами лились изнутри, делая его простым наблюдателем происходящего, но от первого лица.

Он продолжил:

– Это возможности не человека, а Бога, ибо никто из людей не может воскрешать мертвых, но только Бог. Мое тело было поражено страшной болезнью, постигшей меня в Персидской стране за семь лет до этого, и люди оказались не в состоянии вылечить меня. Тогда я отправил Иисусу Спасителю письмо с мольбой прийти и вылечить. Я писал, что я, Абгар, сын Аршама, правитель Эдессы, прослышал о нем и о врачевании, творимом руками без зелья и кореньев. Говорили, он даже воскрешал мертвых. Когда я услышал все это о нем, я уверился в своих мыслях в одном из двух: либо он – Бог, сошедший с небес, и совершает это, либо же он Сын Божий и творит это. Зная, что иудеи ропщут на него, я предло-

жил Иисусу Спасителю прийти в мой город, красоты которого хватило бы для нас обоих. Знаешь ли ты об этом, Фадей?

Тот, кого Артем назвал Фадеем, чуть поклонился и ответил:

– Знаю, достопочтенный царь. Просьба твоя была передана Учителю через апостолов Филиппа и Андрея. Выслушав их, Спаситель сказал, что ехать сам не сможет, но удостоит тебя ответом. И сказал он: «Блажен, кто верует в меня, не выдавши меня. Ибо написано обо мне: видящие меня не уверуют в меня, не видящие – уверуют и будут жить.»

– Верно ты говоришь, Фадей, – сказал Абгар-Артем, морщась от боли. – Спаситель прислал мне свой чудодейственный лик, который облегчил мои страдания. Он также написал, что когда вознесется, пришлет одного из своих учеников, дабы он вылечил мои болезни и дал жизнь мне и присным моим. И вот пришел ты, посланный одним из двенадцати? Ты ли тот самый, о ком писал Спаситель? Сможешь ли излечить меня?

Вместо ответа Фадей распустил веревки большого кошелья у пояса и что-то извлек из него.

Яркий свет резанул по глазам, Артем зажмурился.

Глава 1. Берлин

– Я думаю, друг мой, что копьё Лонгина, или копьё судьбы, дающее власть над миром, генерал Кларк не вернул Австрии. Когда это американцы что-то отдавали бесплатно? Не те люди.

Доктор-стоматолог Штефан Шефер склонился над пациентом, ловко манипулируя инструментом. Он казался инопланетянином, проводящим опыты над пойманным человеком, заглядывая ему в рот сквозь бинокулярную лупу, закрепленную на голове.

Артем Каховский, являясь как раз тем самым подопытным, сморщился от колющего глаза луча яркого света фонаря, закрепленного аккурат между окуляров.

– Ты уснул? – доктор вскинул свой осветительный прибор вверх и взгляделся в глаза пациента. – Эээ, брат, я тебе тут рассказываю, а ты спишь. Зря я тебя волшебной таблеточкой угостил. Выклянчил, чтобы поспать? Достаточно было укола артикаина.

«Зачем я согласился на эту зубную авантюру?» – подумал Артем, вспоминая, как его приятель Штефан, профессор стоматологии и владелец берлинской клиники, пару дней назад за пивом расписывал качество циркониевых коронок, которые в Европе первым якобы начал ставить лично он.

– Ты же знаешь историю копья Лонгина? – продолжал

доктор из-под маски.

Артем согласно промычал. Конечно, как юрист с высшим гуманитарным образованием он читал об этом, тем более – занимаясь адвокатской практикой в Берлине, неплохо был осведомлен о той части немецкой истории времен Третьего рейха, которая буквально затоптана исследователями, в том числе гитлеровского мистицизма.

Доктор расценил звуки, издаваемые пациентом, за предложение поделиться знаниями.

– По преданию, этим копьём римский центурион Гай Кассий Лонгин проверил, жив ли Иисус, распятый на кресте. Или это был удар милосердия, чтоб не мучился? Ударил слева, значит, пронзил правый бок между четвертым и пятым ребром. Проткнул, выходит, плевру, легкое и сердце. «И истекли из раны кровь и вода», – процитировал доктор Евангелие от Иоанна.

Артем сменил мычание на угуканье, давая понять, что он в курсе. Но доктор Шефер еще не закончил ни работу, ни повествование. Молоденькая чернобровая и черноокая медсестра в хиджабе и маске сменила по просьбе шефа инструмент и, казалось, с интересом слушала.

– Лонгин был командиром римского отряда, охранявшего Голгофу, но после снятия Иисуса с креста уверовал в него как в Сына Божьего, стал христианином и впоследствии даже был канонизирован как святой. А копьё с кровью Христа стало важнейшей реликвией мира. Считается, что тот, кто

владеет копьем, имеет власть над миром. Хотя...

Доктор повернул голову и взгляделся сквозь панорамное окно операционной в дождливую серость осеннего Берлина, разбавленную бликами стеклянного исполина Sony – Центра на Potsdamer Platz.

– Хотя... – повторил доктор. – По другой версии, копье, которое хранится в венском Хофбурге, ранее принадлежало святому Маврикию, а копьем Лонгина его называли потому, что в десятом веке наш будущий император Оттон Великий разгромил в день памяти святого Лонгина армию венгров в битве при Лехе. Так или иначе, это копье принято называть копьем судьбы.

Доктор вернул луч света в зев пациенту. Помолчав пару минут и поколдовав еще над раскрытым ртом слушателя, радостно сообщил:

– Ну вот и все. Будешь колоть орехи зубами, как хоффмановский Щелкунчик!

Медсестра вынула капу, предложила клиенту прополоскать рот и вручила бумажное полотенце. Артем вытер лицо и поклацал новоприобретенным орехоколом. Улыбнулся доктору.

– Danke schön! Technik, die begeistert!¹ – процитировал он рекламный слоган немецкого автопрома.

– Keine Ursache!², – сложив молитвенно руки, ответил

¹ Спасибо! Техника, которая вдохновляет! (нем).

² Не стоит! (нем)

доктор Шефер на родном языке. До этого он излагал легенды по-английски.

– Ну, – снова перейдя на английский, сказал доктор, извлекая свое атлетичное тело из инопланетного скафандра. – Пойдем ко мне, пока бумаги подготовят и счет.

Прошли из операционной в кабинет доктора, по дороге созерцая на стенах картины каких-то современных художников попеременно с дипломами и сертификатами самого профессора Шефера. Владелец клиники был сам себе главврач, директор и маркетолог. Он придумал предоставлять стены своей частной и весьма недешевой клиники под передвижные выставки художников, которыми славился Берлин, и тем самым привлекал клиентов на светские презентации.

– Ну кому придет в голову приходить к стоматологу просто посмотреть клинику или купленное новое оборудование? – как-то делился он секретами маркетинга. – К зубному ходят, когда болят или выпадают зубы. Или когда улыбка голливудская потребуется. Так клиентов не привлечешь, разоришься только на интернет-рекламе. А я просто рассылаю богатым людям красиво оформленные приглашения, мол, приходите вечером такого-то числа, это выходной, будет открытие выставки художника такого-то, вход свободный – плюс бокал просекко. Люди приходят, смотрят картины и удивляются, что тут, оказывается, не музей, а клиника. Ну и что? Зато точно запомнят, куда прийти, когда с зубами проблема.

Вошли в кабинет, также густо заросший дипломами по всем стенам. Присели на мягкие кожаные кресла у письменного стола.

У Артема кружилась голова и мысли слегка путались. Оказавшись в кресле, он вспомнил только что виденный странный сон, и крест-накрест обхватил себя руками, радостно ощутив под рубашкой привычное здоровое тело вместо болезненного царского.

– Холодно? – среагировал доктор. – Надень пиджак.

Он встал, открыл шкаф, куда перед процедурой определил кашемировый аксессуар Артема, снял с вешалки, попытался заботливо накинуть на спину пациенту.

– Спасибо, – Артем привстал и просунул руки в рукава.

– Любишь ты такой стиль, я смотрю. Джинсы, рубашка, пиджак, – оценивающе сказал доктор. – А я пиджаки терпеть не могу. По мне, так лучше толстовки. Стильно и молодежно. Хотя мы с тобой одного возраста, друг мой, но ты какой-то консервативный насчет одежды.

– Я тоже люблю толстовки, – не согласился Артем. – Только работа обязывает. Ты вот пришел к себе в клинику и переделся в доктора. У вас спецодежда. У нас же, адвокатов, пиджак – что-то вроде того. Опять же я Оксане в толстовках не нравлюсь. Она тоже консерватор.

– Кстати, как она? Что-то давно не видно... – спросил доктор. – Я уж подумал ты снова вернулся к принципиально холостому образу жизни.

– Нельзя вернуться к тому, от чего не уходил, – философски заметил Артем. – А Оксана, скорее, валькирия, с ней тоже семью не создать. Вот вчера была здесь, а сегодня уже упорхнула. Месяц будет летать по миру, не угонишься.

Он вздохнул и перевел взгляд на резную ногу письменного стола, поддерживающую мощную столешницу. Мебель в кабинете шефа клиники диссонировала с современным дизайном остального пространства.

– Антиквариат! – подмигнул доктор. – Вот, видишь, тут... В резьбе? Видишь?

Артем всмотрелся в витиеватое плетение дерева. В одном из цветов отчетливо виднелись вырезанные две молнии – руны «Зиг», символ СС.³

– Не боишься? – спросил Артем. – Тема-то табуирована. Доктор Шефер отмахнулся.

– Антиквариат, я ж говорю. Это не реклама и не пропаганда. Что теперь, спиливать? У нас в каждой семье сохранилось нечто подобное, от посуды до мебели. При Гитлере делали качественные вещи, как ты понимаешь, стандарт качества Третьего рейха! Кстати, я не договорил, продолжая тему копия судьбы: ты в курсе, как Гитлер относился к этому артефакту? Он его впервые увидел во дворце Хоффбург в начале двадцатого века, когда приехал поступать в Венскую академию изящных искусств. Я читал воспоминания его един-

³ СС (SS, аббр. от Schutzstaffel – «отряды охраны») – нацистская организация, признанная Нюрнбергским трибуналом преступной. – *Прим. автора.*

ственного друга Аугуста Кубичека, с которым Гитлер снимал квартиру. Тот писал, что Адольф как-то делал зарисовки фасада дворца, зашел погреться – и так при виде копья впал в транс, что его только к закрытию музея вытолкали на улицу. Гитлер потом говорил, что в этот день посвятился в сущность копья судьбы. Искренне верил, что с этим копьём можно обрести власть над миром.

Артем привычно угукнул. Доктор глотнул что-то из термкружки, стоящей на антикварной зелени сукна, и, не предложив Артему ни чая, ни воды, увлеченно продолжил.

– Я не знаю, как к этому относиться иначе, чем к правде. В 1938 году после аншлюса Австрии Гитлер уже вождем нации прибыл в Вену и потребовал копьё. Вошел в зал, где выставлялся этот артефакт, и долго стоял наедине с ним. А потом приказал вывезти копьё в Нюрнберг, это, как ты, наверное, знаешь, колыбель нацистской партии и, по сути, столица нацистской идеологии. В этот же день Гитлер выступил с балкона венского дворца и объявил, что выполнил самую важную миссию в жизни.

– Может, он имел в виду присоединение к германскому рейху своей родины – Австрии, – по-адвокатски усомнился Артем.

– Возможно, – спокойно ответил доктор, вращая термкружку в руках. – Но, согласись, что-то в этом есть. Получив копьё судьбы и периодически с ним общаясь, за три года завоевать всю Европу! Я не думаю, что Гитлер верил в

божественную силу крови Христовой, скорее, его прельщало то, что этим копьем владели до него весьма авторитетные исторические персонажи, отмеченные в анналах своими завоеваниями. Список-то приличный: Оттон Великий – император Священной Римской империи, Генрих Первый Птицелов – основатель Саксонской династии, римский император Констатин, император Юстиниан, Карл Великий – объединитель Европы, тот вообще копье не отпускал все 47 военных победных походов. Я уж не говорю о Фридрихе Барбароссе. А вот когда в 1945-м американцы обнаружили копье, то по странному стечению обстоятельств Гитлер застрелился через пару часов, и кто теперь владеет миром? А?

Доктор победно взглянул на собеседника, салютуя термокружкой, но вдруг смутился и вернул сосуд на прежнее место.

– Вот я и говорю. Ничего американцы бесплатно не возвращают. Тем более – такое... Удавятся.

Артем удивленно вскинул брови и поинтересовался:

– Но ведь копье вернулось в Венский музей? Там и хранится. Каждый может прийти и созерцать, это исторический факт. Я сам его видел.

Доктор вздохнул:

– Что там хранится? То, что бесплатно вернули американцы? Гитлер, понимая опасность конца, приказал все артефакты, и особенно копье, вывезти и спрятать. Все из перепаханного бомбами Нюрнберга вывезли и спрятали. Все,

кроме как раз главного сокровища – копья судьбы. Придумали целую операцию прикрытия, обозвали копье Лонгина «Копьем святого Маврикия», чтобы никто не догадался, так ведь бестолочи из СС перепутали и спрятали «Меч святого Маврикия», завернув в стекловату и медный футляр. А копье оставили в составе малозначащих экспонатов. Так оно и валялось, пока американцы не наткнулись. А вот уже в 1946-м копье по приказу Эйзенхауэра вернули освобожденной Вене. Только вот что вернули-то? С какой радости американцы отдадут такую реликвию? Конечно, копию вернули, что и подтвердили потом углеродный и спектральный анализы. Копье Лонгина, оказалось, изготовлено из металла не ранее VII века. Потому и лежит себе в музее, а с оригиналом американцы миром управляют.

Постучав в дверь, вошла помощница главного врача, принесла бумаги и счет. Артем со вздохом взглянул на цифры.

– Ничего, ничего, – одобрительно сказал доктор. – Эти коронки на века теперь. Ты помрешь, через тысячу лет откопают тебя потомки, удивятся высоким технологиям предков. В музее зубы выставят как артефакт.

Артем улыбнулся в ответ, сверкнув циркониевым раритетом.

– Делаем селфи? – предложил он и встал.

Адвокат и доктор, оба под центнер весом неплохо с возрастом сохранившихся тел, не помещались в кадр, так что пришлось расширить фокус камеры, отчего две стриженные

под ежик головы забавно вытянулись.

Выйдя на укутанную темной вечера площадь, Артем поежился, застегнул верхние пуговицы своего всепогодного плаща и потуже затянул петлю шарфа. Берлин осенью – город не столько серый, сколько сырой. Серость гармонично раскрашивается палитрой огней широких витрин, за которыми радостные бюргеры отдыхают после рабочего дня за чашкой ароматного кофе или бокалом пива. А вот сырость, эту мелкодисперсную влагу, нечто среднее между туманом и дождем, никак не раскрасить, от нее можно только спрятаться. Что Артем и поспешил сделать, пристроившись с такими же беглецами от сырости у пешеходного перехода в ожидании зеленого человечка в шляпе. Артем часто путешествовал по Германии и даже коллекционировал фотографии немецких светофоров. В этой стране, в отличие от скучных общемировых изображений, еще с середины XX века началось соревнование: в каком городе зеленые и красные пешеходы на лампах лучше поднимут настроение? В Восточном Берлине тогда появился забавный Ампельманн в шляпе, так, что стал символом и, сойдя со светофора, разошелся на сувениры. В Эрфурте веселят ожидание на переходах нарисованные туристы с рюкзаками, мужички с зонтиками и дети с конфетами под мышкой. В Майнце сигнальщиком светофора стал гномик в очках, а в Дуйсбурге – рудокоп в шлеме и с горным фонарем. Артем представил себе, как бы выглядел адвокат, изображенный на светофоре у Дворца правосу-

дия: возможно, некто в мантии или галстук-бабочке, но тут надо бы сильно напрячь фантазию, чтобы графика мантии не ассоциировалась с платьюшкой, а адвокат в бабочке – с официантом или дирижером.

Шумная площадь бизнес-центра «Сони», покрытая стеклянным парашютом, была, как обычно, усеяна народом, спасшимся от въедливой мошкары дождя. Артем прошел наискосок к ресторану «Lindenbrau», на втором этаже которого договорился о встрече с коллегой, адвокатом из Страсбурга по имени Хачатур.

Артем знал, что Хач по-армянски – крест, и по-дружески называл Хачатура «крестоносцем», но тот расшифровывал свое имя «Дарованный крестом». Он происходил из знатного армянского рода, очень этим гордился и периодически присылал в чат Артему ссылки на важные для армян всего мира события, полагая, что об этом должны быть осведомлены все друзья, независимо от этнической принадлежности.

Вынырнув из сырого воздуха улицы, Артем погрузился в густую теплоту запаха свежесваренного в ресторане пива, одобренного кислыми оттенками капусты. Он не любил эти заведения как раз из-за запаха, но ради «Дарованного крестом» из Франции согласился на местную колоритную пивоварню.

Хачатур торжественно восседал за деревянным столом, в ожидании приятеля по-армянски щедро украсив стол многочисленными закусками к пиву. Это был очень полный дя-

дечка в свитере толстой вязки, отчего казался еще больше, с пышной копной седых волос и густой небритостью, скрывающей, по его мнению, полноту лица, перетекающего сразу куда-то в свитер, минуя отсутствующую шею. Внешний облик добряка скрывал на самом деле матерого судебного волка уголовного права, специализирующегося на защите в Европейском суде по правам человека.

Мужчины обнялись, для чего Хачику пришлось долго выкарабкиваться из-за стола.

– Да ты все еще в хорошей спортивной форме, – подтрунил Артем над коллегой.

– Нервная работа плюс дешевая калорийная еда, – отшутился Хачатур, зарабатывающий не менее пятисот евро в час. – Оксана будет?

Артем при упоминании имени подруги второй раз за полчаса вздохнул, развел руки в стороны и покачал ими, словно крыльями самолета.

– Валькирия снова улетела? – посочувствовал Хачатур, знавший, как его друг характеризует свою даму. – Остается пьянствовать.

Через пару минут оба уже чокались пивными кружками с янтарной жидкостью и обменивались новостями с юридических фронтов. Артем с упоением говорил о семейном деле, что ему приходится вести, деля детей между спорящимися бывшими супругами; Хачатур же больше травил анекдотичные случаи из своей богатой судебной практики.

– Представляешь? Дело недавно рассмотрела большая судебная палата. Бельгийского мальчика избил полиция. Надавали ему пощечин прямо в участке, он себя неправильно повел с полицейскими. Судьи решили, что полиция могла применить к мальчику силу, но на улице. А в полицейском участке необязательно, он все равно задержан и никуда не денется.

– Сколько лет-то мальчику? – спросил Артем.

– На момент происшествия или суда в Страсбурге? – лукаво улыбнулся Хачатур.

Артем пожал плечами, мол, говори уже!

– Когда по лицу получил, было пятнадцать. А в суде он уже сидел такой тридцатилетний пузатый отец двоих детей. Все не может простить такого унижения, судится.

Артем хмыкнул.

– За справедливое и скорое судопроизводство! – предложил он тост.

– Яволь! – согласился Хачатур.

Чокнулись.

– Кстати, – Хачатур облизнул пенную щетину над верхней губой. – Ты меня можешь выручить? Меня попросили прочесть лекцию об особенностях допроса свидетелей в иностранных юрисдикциях для университета в Ереване. Дорога, проживание за их счет, конечно, плюс небольшой гонорар. Но главное – обещают красивую экскурсию по стране. Я-то как раз знаю, а вот тебе было бы полезно приобщиться

к древней цивилизации, которой уже как четыре тысячи лет. У меня процесс в эти дни, никак не могу, хотя очень хочу на историческую Родину. Там, кстати, копьё судьбы, или копьё Лонгина, хранится в Эчмиадзинском монастыре. То, которым Иисуса на кресте добил римский легионер.

Артем не мог не удивиться упоминанию о копьё уже второй раз за короткий вечер.

– Странно, я сегодня как раз думал об этом копьё... Оно ведь в венском Хофбурге, нет?

Хачатур довольно улыбнулся и покачал головой:

– Нет, в Вене – венское копьё, какая-то средневековая копия, в которую верил Гитлер и кто там еще. А в Армении настоящее, то, которое в первом веке привез апостол Фадей. Копьё хранится в Армении с первого века, в разных местах, это исторически описанный факт, а с двенадцатого века хранилось в монастыре, выдолбленном в скале, который так и называли: Храм копия – Гегардованк.

– Мне тут шепнули, что американцы вернули венское копьё в Хофбург в копии, а сами с волшебной силой оригинала повелевают миром, – с улыбкой сказал Артем.

Хачатур посерьезнел.

– Все относительно, мой друг! В разных странах мира живет больше армян, чем в самой Армении. А вот американцев за пределами США в мире не так много. И кто управляет миром? В общем, надо увидеть самому, чтобы понять. Поедешь?

Артем открыл ежедневник передвижного смарт-офиса, сверился с рабочим графиком. Предложение было заманчивым, на указанные Хачатуром даты ничего серьезного не запланировано, что-то можно было перепоручить коллегам, а дома никто не ждал.

– Ну, – Артем пригубил пива. – Почему бы не испить армянского коньяка и не приобщиться к культуре древней нации? Армяне – это как бы арийцы?

– Не чета немцам, не в обиду будет сказано. Армяне – от Айка или Хайка, который потомок сына Ноя – Иафета. Он, по сути, и первый основатель Армении, так что армяне называют свою страну – Хайастан. Потом было много чего в истории, войны с Римом, с Парфией, с Персией, многие говорят о государстве Урарту как одной из форм существования Армении, ты наверняка слышал.

– Об Урарту слышал, конечно, в школе проходили древний мир, – сообщил Артем.

– Вот, Урарту – это такой искаженный с персидского перевод – Арарат, у подножия которого и существовало государство Урарту.

– Ладно, ты уже достаточно заинтриговал. Сейчас домой вернусь, об Армении прочту что-то, – пообещал Артем.

– Ты лучше не Википедию, а что-нибудь попроще почитай. Начни с Моисея Хоренского. Удивишься слогу, а ведь V век!

Артем поискал в смартфоне перевод на армянский слова

«Клянусь», но встретил совершенно незнакомые буквы армянского алфавита, так что не смог прочесть даже приблизительно.

– Да, да, – с ехидной улыбкой сказал Хачатур. – И про армянский алфавит тоже рекомендую прочесть. Также изобретение V века нашей эры, дошедшее до нынешних дней. Там тебе расскажут больше, так что готовься. Кстати, учти насчет коньяка. Армяне делают прекрасный коньяк, тоже исторический факт. Говорят, Черчилль только его и пил вместо виски. Но! Армяне мало пьют.

Артем широко улыбнулся и кивнул с намеком на выпитую Хачатуром третью кружку.

– Я тут в гостях, это чтобы не обидеть хозяев, – оправдался Хачатур.

– Угу, – скептически произнес Артем. – И что же армяне делают во время застолий, если не пьют? Едят и поют?

– Едят – да. Поют... Редко. Это грузины поют, вино располагает. А армяне – общаются. Пить необязательно. Главное – говорить друг с другом. В этом смысл застолья по-армянски.

Глава 2. Ереван

В силу обстоятельств, на которые Артем никак не мог повлиять, в продаже не оказалось прямых рейсов из Берлина в Ереван, так что он изрядно устал от пересадок, путешествуя из центра Европы в центр Эдемского сада, как с библейских времен именовалась Армения. Артем даже сверился с картами разных эпох, засомневавшись, что Армения – тот самый «Edem», но оказалось, что все доступные источники пели в унисон. В Книге Бытия Эдем географически обозначался как место между четырьмя притоками рек и назывался Армянским нагорьем, так что сомнений не оставалось: Артем был командирован в рай, причем живым и не за свой счет.

Через несколько часов полета, покачивая крыльями, «Боинг» осторожно снижался в молоко тумана осеннего Еревана, ничем не отличавшегося от берлинского молока, разве что жирностью.

На прилетном контроле приятно удивила скорость прохождения, прибавившая очков армянским пограничникам и таможене. Люди в форме приветливо улыбались, а вопросы задавали, казалось, из любопытства, а не по долгу службы. Через три минуты формальностей Артем уже делал селфи на фоне настенного постера, умело разместив довольное лицо между плакатными улыбками армянских футболиста и бор-

ца, стараясь не закрыть буквы слогана «Добро пожаловать в страну чемпионов». Полузащитник «Арарата» картинно делал две козы, борец победно вскинул большой палец. Об этих ребятах Артем раньше не слышал, но от их пальцевой пантомимы градусы шкалы настроения поползли вверх.

«А это уже совсем впечатляет», – подумал Артем, потратив всего пару минут на ожидание усталого от перелетов чемодана, грустно подкатившего на ленте выдачи багажа номер 2.

Выйдя на свободу, каковой принято считать окончание слепополетных процедур, Артем вздохнул и тут же был атакован вежливыми парнями в кожаных куртках, предложившими проехать «куда пожелаешь, по ценам дешевле Яндексса». Артем сам отказался от предложенной встречи в аэропорту университетским водителем: ему было интересно познакомиться с местными таксистами, информацией от которых он традиционно питался в любой «разговорчивой» стране. Вообще для себя он сделал градацию стран, поделив их на «молчаливые», типа Англии, где с таксистом можно поговорить только о сдаче через громкоговоритель и пластиковое ограждение; страны «унылые», где водитель и без пластиковой перегородки молчит и управляет авто, как в его почти уже родной Германии; страны «навязчивые», вроде средиземноморских или азиатских, где тебя не довезут, а покатают за твой счет. Водитель, на услуги которого согласился Артем за какие-то смешные деньги, не схватился подобострастно за

чемодан, как принято, но зато компенсировал эту невнимательность разговором по дороге до отеля. Артем за двадцать минут получил одновременно и экскурсию, и консультацию, и совет как «от души, брат, жить правильно». Справа по дороге оказалось посольство США «размером с военную базу или половину островов Индонезии»; слева – завод «Арарат», где «французы делают теперь лучший армянский коньяк»; а чуть позже справа сверкнул рекламой завод, «где коньяк не хуже, и его делает родственник». Как зовут родственника, водитель вспомнить затруднился.

Заселившись в бронированный университетом отель на Северном проспекте, Артем оценил обилие сусального золота на потолке, картинных рамах, лестничных перилах, не говоря уже о мебели. Больше он видел только в Дубае, но там подобное выглядело вроде как само собой разумеющееся в этом нефтяном Клондайке. Здесь же желтый металл просто подчеркивал уважение к гостям, как бесплатные фонтанчики-пулпулаки с питьевой водой в жаркое время года, о чем Артем прочел в туристическом путеводителе.

Оставался час до назначенного делового ужина с проректором университета, дамой по имени Гоар. Это время прибавило знаний об Армении из Сети, расшифровкой имени Гоар (драгоценность, бриллиант) и на всякий случай других популярных армянских имен. По традиции пролистал программы телевидения, сфотографировал в различных ракурсах мебель и сантехнику номера. Помимо золота, все свер-

кало гранями стразов: от украшений держателей зубных щеток размером с горошину до водопроводных кранов, увенчанных «алмазами», как «Кохинор» британской короны.

Выходя, на рецепции поинтересовался ценой своих аппаратов, полагая, что его преподавательская значимость университетом явно переоценена. Миловидная девушка по имени на бейджике Ашхен (Солнышко) сообщила, что номер не самый дорогой и цена в пересчете с армянских драм составляла что-то около 200 евро.

«Н-да, – подумал Артем. – За 200 евро в Риме я как-то поселился в клетушку в 12 квадратных метров, без горячей воды. Хотя... То ж – Рим! Древнейший и вечный город».

– Рим моложе Еревана на 29 лет, – с улыбкой сообщила Гоар, с которой Артем встретился в приятном европейском ресторанчике на улице Пушкина, недалеко от отеля. – И у нашей столицы есть свидетельство о рождении, а не просто упоминание в чьей-то летописи. Была найдена табличка царя Аргишти Первого об основании города, это было в 782 году до Рождества Христова. На ней буквально высечено: «Величием бога Халди Аргишти, сына Менуа, эту могущественную крепость построил, установил ее имя Эревуни для могущества страны Вана и для устрашения вражеской страны. Земля была пустынной, могучие дела я тут совершил».

Гоар, как отметил для себя Артем, была типичной восточной красавицей из мультика про Шамаханскую царицу и золотого петушка: с тонкими бровями, яркими карими глаза-

ми, осиной талией и копной красивых волос, только не черных, а в цвет глаз – темно-каштановых.

Артем по привычке достал смартфон – для проверки фактов через интернет.

– Поверьте дипломированному историку, родившемуся здесь, – продолжала улыбаться Гоар красивыми ровными зубами. – У нас на все есть доказательства, сомнений быть не может. Вы же не сомневаетесь, что государственной религией христианство стало впервые в мире тоже в Армении, в 301 году?

– Я читал об этом, – улыбнулся в ответ Артем. – У вас вообще все стало впервые в мире, если верить написанному.

– Потому это часто замалчивается. Вопрос пиара, сами понимаете. Я как-то была в одном музее в европейской столице. Умолчу, где. Его содержала еврейская община. Там на стене висит телевизор и можно запустить видеоролик об истории еврейского народа. Я включила, смотрю, слушаю. Вдруг что-то резануло. Диктор под видеоряд привычных картинок говорит: «И причалил Ной у большой горы.» Я перемотала назад, думаю, как же так: а где библейское упоминание Арарата? Ведь в Ветхом Завете или Торе – четко сказано про гору Арарат? Включаю – точно, я не ослышалась: «Ной причалил у большой горы». На выходе из музея спрашиваю зрителя, мол, простите, там у вас видеоролик о Всемирном потопе, вы ведь знаете, у какой горы причалил Ной? Зритель, явно дядечка солидный и образованный,

отвечает: «Ну, всем известно, Ной причалил у горы Арарат. И голубь с оливковой ветвью вернулся оттуда. А почему вы спрашиваете?» Я говорю: «Но в вашем ролике сказано, что Ной причалил у большой горы, а не у Арарата? Почему так?» Он так хитро на меня глянул и говорит: «Разве Арарат не самая большая гора в мире? Это ж тоже все знают».

Артем в очередной раз улыбнулся.

– Арарат еще и самая большая гора в мире? Не Эверест?

Гоар серьезно взглянула на гостя, но затем тоже улыбнулась понимающе.

– Эверест самая высокая точка планеты, это правда. Но как гора... Всего-то 3550 метров. То есть по превышению вершины над поверхностью у подножия – самая высокая все-таки Арарат. 4365 метров.

– Полагаю, по этой же причине Ереван – самый старый город мира, а вовсе не старше Рима всего-то на три десятка лет. Ведь если после потопа Ной причалил у горы Арарат, то и первые поселения были где-то тут?

– Восхищена вашей проницательностью, Артем, – торжественно сообщила Гоар. – Есть и такие версии, но мы – люди скромные, понимаем, – достаточно того, что Армения на древних картах – Эдем, то есть рай, потому древнее поселений со времен Адама быть просто не может. Колыбель человечества. Вам повезло, вы приехали к нам не стариком, осознавшим этот простой факт.

Они говорили еще час, съев по два десерта и выпив по

три разных сорта кофе. Ресторан был полон народа, и из-за европейского интерьера, по-европейски одетых посетительниц, изысканно оформленных «тартаров» и «цезарей» Артем вообще забыл, в какой стране находится. Аромат кофе из нескольких кофемашин причудливой формы на специальной стойке явно выиграл сражение у запахов открытой кухни, которая огородилась стеклом прямо в центре зала. Сквозь огромное окно, на подоконнике которого как раз пристроился Артем на услужливо положенной подушечке с национальным орнаментом, можно было увидеть гигантский строящийся дом рядом с уже отстроенным особняком с красиво освещенным фасадом.

– Это что? – мотнув головой, поинтересовался Артем.

– Тут много сейчас такого. Если ничего не помешает, Дубай потихоньку сдуется как мировой хаб международных встреч и покупки сумочек, – пошутила Гоар. – Это будущий ресторан, судя по антуражу, а эта башня – апартаменты.

Артем невольно скосил взгляд на сумочку Гоар, примостившуюся на услужливой подставке того же национально-го орнамента, что и подушки на подоконниках. «Луи Виттон» из последней коллекции, казалось, подмигивал золотом изящной пряжки серьгам от «Тиффани», игнорируя по дороге скромный золотой крестик на шее Гоар. Артем приглядывался к людям вокруг – все были изысканно аккуратны: мужчины, явно после работы, кто в деловом костюме, кто в стиле casual, но одеты исключительно красиво и модно; да-

мы были будто только из фитнеса, но также от парикмахера, визажиста и маникюрши. Они были не просто изысканно аккуратны, они были красивы и безупречны.

Закончив разговор о завтрашней лекции, Гоар вдруг, понизив голос, с какой-то непередаваемой интонацией спросила:

– Артем, у меня к вам деликатная просьба или предложение. У нас запланирована культурная программа, экскурсия по стране на день-другой. Я бы хотела познакомить вас кое с кем в Эчмиадзине, главном религиозном центре армянского мира. Только это не музейный сотрудник, а весьма высокопоставленное лицо. Есть один крайне деликатный вопрос, который вам адресован как адвокату. Не откажете в любезности, как бы вам сказать... сохранить информацию об этой встрече в тайне?

Артем не успел ответить утвердительно, как Гоар приняла видеозвонок и начала по-армянски, с нотками родительской нежности, разговор с двухлетней дочерью. Это выглядело удивительно гармонично, хотя Артем не привык, чтобы в Европе или той же Москве, где он начинал и также вел свою адвокатскую практику, катаясь из страны в страну по чужим «семейным делам», кто-то вот так запросто включал видеорежим и перекрикивал общий шум ресторана разговором с любимым маленьким человечком.

Черноглазая кудрявая красавица с экрана смартфона плаксиво сообщала маме, что это безобразие – не быть до-

ма во время отхода ко сну, так что Артем из солидарности и чувства такта отчаянно замахал руками, шутливо прогоняя Гоар домой, и жестом показал на часы.

Та благодарно улыбнулась и на понятном Артему языке сообщила дочери, что уже совсем скоро будет и поцелует на ночь.

«Необязательно красивой девушке работать на разведку, некоторым можно и замуж», – подумал Артем, вспомнив о своей подруге Оксане, с которой не будет видеться месяц из-за ее очередного секретного задания.

Попрощались двукратным поцелуем мимо щек, и Гоар побежала к своему недалеко припаркованному авто, попросив не провожать. Артем же, пройдя метров триста по Пушкин-штрассе, как он по привычке назвал эту гостеприимную улицу, оказался на пешеходном Северном проспекте. Слева и справа возвышались высокие современные дома из красного туфа, красивого камня, образовавшегося из обожженных пемзы и вулканического пепла. Так как туф – камень пористый, то он легок и хорошо сохраняет температуру в помещении, что строители поняли задолго до изобретения кирпича, застроив этим камнем всю страну. Артем огляделся. Нижние этажи зданий, выполненные в виде арок с резным национальным узором, были усеяны многочисленными кафе и ресторанами с витринными окнами; настойчиво зазывали посетителей бутики модной одежды и обуви, огни банков и пафосные фасады пятизвездочных отелей. Пешеходная мо-

стовая, аккуратно выложенная серым камнем, разбавленная туфовыми скамейками и коваными орнаментными столбами освещения, периодически прерывалась эскалаторными входами в подземную торговую галерею, наподобие берлинской, в квартале Q208 на Фридрихштрассе.

«Я что-то упустил в своей жизни, увлекшись городами по-молочее?» – спросил у себя Артем.

– Уважаемый, можно вопрос к вам? – раздался по-русски голос слева. Артем повернул голову.

Вполне прилично одетый мужчина, в джинсах и кожаной куртке, мял в руках шерстяную шляпу. Конечно, он опознал в Артеме русского и по внешности, и по озирающемуся поведению.

– Wie bitte?⁴ – спросил Артем автоматически.

Армянин опешил, но, мгновенно оправившись, спросил:

– А по-русски говорите?

– Говорю, – неласково признался Артем, не имевший ни малейшего желания разговаривать с прохожим.

– Нет ли у вас какой-то работы для меня? Я могу...

– Нет, спасибо за предложение. Я приезжий, – попытался закончить беседу Артем.

– Тогда выручите? У меня четверо детей, а работы нет. Что-то, может, пожертвуете? – незнакомец был искренен.

Артем пошарил в карманах плаща, обнаружил там только евроценты и монету в один евро. Подал просящему. Тот с

⁴ Что, простите? (нем).

благодарностью принял, но рассмотрев, вернул обратно со словами:

– Нет, спасибо, брат, не нужно. Это не наши деньги.

И подал руку для рукопожатия. Артем ответил на приветствие. Крепко сжав кисть Артема, незнакомец вдруг притянул его к себе, показав недюжинную физическую силу, приобнял и сказал на ухо:

– Ты тут аккуратнее, брат. Просто береги себя...

Глава 3. Эчмиадзин

Утро среди зашторенной темноты разбудило Артема голосами уборщиц. Женщины что-то обсуждали, стараясь перекричать шум пылесоса и периодически стуча щетками о плинтус смежного номера.

Поскроллил ленту новостей смартфона, сосредоточивая фокус сонных глаз, подождал минут пять. Звуки уборки за стеной постепенно стихли, удалившись в номер напротив. Спать расхотелось. Артем нехотя, поднялся с уютной постели, подошел к окну, распахнул шторы. Северный проспект сиял огнями еще невыключенных фонарей, пыльно рассеивая свет сквозь традиционный утренний туман.

«Я так Арарат и не увижу, – подумал Артем, озабоченно глядяваясь в молочную густоту. – Что Берлин, что Лондон, что столица Урарту, одинаково ничего не видно».

Аромат завтрака на 11-м этаже призывно защекотал ноздри, когда Артем вошел в помпезный видовой ресторан. Вида из-за тумана как раз и не было, но остальное порадовало: свежая выпечка, сладости и фрукты органично расположились в глубине зала, выполненного в английском стиле дубового уюта и бронзово-канделяберной состоятельности.

Услужливая официантка в черных брюках и белой рубашке предложила попробовать шакшуку, традиционную яичницу, создаваемую по особому рецепту из яиц, помидоров,

зелени, чеснока и томатной пасты в оливковом масле. Чтобы не обижать хозяев, Артем согласился на 15-минутное ожидание этого утреннего шедевра, коротая его за чашкой кофе по-армянски. Кофе по-армянски ничем не отличался от кофе по-турецки или кофе по-восточному, о чем Артем и сообщил официантке.

Та сморщила носик, надула губки и ответила с обидой в голосе, что если бы не армяне, то Европа о кофе могла узнать разве что из книг. Потому что именно они в XVII веке открыли первые кофейни – начиная с Лондона, где некий Паскаль Арутюн основал кофейный дом, а затем армяне продолжили традицию и открыли сеть кофейен в Париже, Вене, Берлине и Венеции.

– Ну, сорт кофе все-таки называется «арабика», – шутливо возразил Артем. – В Армении же кофе не растет, разве нет?

– Мы варим колумбийский кофе, где его выращивают с конца XIX века в провинции Армения-Малисалес-Перейра. Так что ответ на вопрос: выращивается ли кофе в Армении, сами понимаете, неоднозначный. Скорее да, чем нет.

Девушка улыбнулась и победоносно ретировалась.

«Трудно не стать фанатом своей Родины, если она во всем первая», – подумал Артем, через минуту макая душистый лаваш в радостную палитру красок шакшуки.

С сытым лицом Артем сел в белый «Лексус», поданный

прямо к отелю. Гоар лично решила доставить его в университет. Сегодня она была в строгом деловом костюме с синим отливом, приятно гармонировавшем с каштановыми волосами. По дороге рассказывала о Ереване как будущем центре мирового образования, обосновывая это тем, что на современном мировом рынке, истерзанном кризисами пандемии коронавируса и вооруженными конфликтами, главным товаром будет образование, а армяне в товарах и рынках разбираются исторически.

Пока петляли по улицам Еревана, выглянуло солнце. На подъезде к университету постояли в толкотне дорогих машин на узкой улочке.

– Это наши студенты, – с гордостью сообщила Гоар, кивнув в сторону белых «БМВ» девочек и черных «Мерседесов» мальчиков.

– Понял, – уважительно ответил Артем, оценив правоту Гоар насчет будущего образовательного центра мира.

На лекцию европейского адвоката собралось человек 60 студентов-юристов разных курсов. Артем любил делиться знаниями и опытом с молодыми людьми, не испорченными практикой. Ощущение машины времени, когда ты сегодня являешься творцом будущего. Рассказывая об особенностях допроса свидетелей, Артем буквально купался в бликах, отраженных от лиц этих красивых юношей и девушек, щедро поливаемых лучами солнца сквозь большие окна современной аудитории.

– Завидую вам, друзья, будущие коллеги, – завершил Артем свой полуторачасовой спич под благодарные аплодисменты. – У вас все впереди. Хотя и у меня еще не кончилось.

Потом была короткая экскурсия по учебному заведению, как показалось Артему, сплошь состоящему из воздуха и видов на горы.

– Я и не думал, что у вас столько пейзажей. Куда ни глянь – пейзаж, – пошутил Артем, когда они с Гоар отъезжали от университета, снова топчась в пробке дорогих студенческих машин.

– Предлагаю сразу в Эчмиадзин, нас ждут после обеда. Мы можем пообедать там, а можем где-то по дороге. Вы сильно голодны? – спросила Гоар.

– Сыт впечатлениями, но традиция принимать пищу по часам подсказывает, что мы можем пообедать на месте. Это лучше, чем опоздать.

По дороге уже в светлое время суток Артем узнал, где коньячный завод «Ной», где «Арагат» и где «американское посольство размером с военную базу». Окрестности вокруг Еревана выглядели не так привлекательно, как освещенные огнями вечером: слегка обветшалые дома советской эпохи с традиционно развешанным бельем на балконах; полуразрушенные постройки непонятного назначения с проржавевшими металлическими скелетами автомобилей; скромные лавчонки и автосервисы с подвешенным рекламным колесом – все это диссонировало с только что увиденным современным

университетом и престижными авто студентов.

– Нет тут ничего удивительного, к этому все привыкли, – объяснила Гоар. – Если почитать историю Армении, то вряд ли найдется подобная страна, сохранившаяся с дохристианских времен до наших дней, которую с завидным постоянством рвали на части соседи. С таким соседом, как сильная Россия, Армения, надо отдать должную справедливость этому факту, обрела на какое-то время покой и развитие. Царская Россия спасла армян от резни, а в советский период, как бы кто ни спорил, появились академия наук, институт высшей математики, вычислительный центр академии – и, главное, столько лет без войны с соседями. А как Союза не стало, так снова началось...

Гоар вздохнула.

Через двадцать минут въехали через шлагбаум Эчмиадзинского монастыря, где в этой древней столице – Вагаршапате обосновалась резиденция Верховного патриарха и Католикоса всех армян, со времен основания в 301 году Григором Просветителем с перерывом в небольшую тысячу лет. Уже выйдя из машины, Артем в воздухе почувствовал запах истории, вечности – и привычные для него мурашки побежали по спине.

– А мы, кстати, по какому поводу встречаемся и с кем? Так и не обсудили? – спросил Артем, когда Гоар повела его в сторону абсолютно современных архитектурных сооружений из туфа серого оттенка, не похожих на древность.

– Сейчас узнаем, – ответила та и приветливо помахала рукой идущему в их сторону священнику, одетому в традиционную рясу. Подошедший представился дьяконом Ованесом Асатрянном. Это был среднего роста сорокалетний мужчина, с черно-седой коротко стриженной головой и начинающейся бородой. Современные узкие очки придавали худощавому лицу вид молодого ученого, а спортивная куртка Nike поверх рясы на удивление гармонировала с современными постройками.

– Как вас правильно называть? – не постеснялся Артем спросить, оценив вполне демократичную внешность священника и примерное равенство в возрасте. – Отец Ованес... Или как?

– Можно и отец Ованес, но это, правда, очень по-русски. Если удобно вам... Но какой я вам отец? У нас принято называть по священному званию и имени. Можете называть дьякон Ованес.

– Дьякон Ованес, – повторил Артем, чтобы запомнить.

– Мы с вами находимся на территории Эчмиадзинского монастыря, – как будто начал экскурсию дьякон Ованес – и тут же ее закончил: – Вы пока можете пообедать, если хотите, или могу провести в музей, пока есть время до встречи с владыкой.

– Владыка – это Верховный патриарх? – осторожно поинтересовался Артем. – Католикос всех армян?

– Нет, владыка – это настоятель Эчмиадзинского мона-

стыря, епископ Мушег. Если я бы сказал о Католикосе, я бы так и сказал. Или просто Святейший, – ответил дьякон Ованес.

Артем посмотрел на Гоар. Та пожала плечами, демонстрируя равнодушие насчет обеда.

– В храм лучше входить голодным, разве нет? – поделился знаниями Артем.

– В храм можно входить всегда, когда есть возможность. Сытость желудка не утоляет духовную жажду, – спокойно ответил дьякон Ованес.

Артем подумал, что со святыми отцами стоит быть осторожным в выражениях. Эти люди с высшим гуманитарным образованием не испорчены практикой мирского судопроизводства, постоянно совершенствуют знания о справедливости и мироустройстве, только на ином уровне, нежели он, адвокат, тем более – практикующий в спорах о греховном разводе родителей и дележе детей.

– Да, я всегда готов, отец... ээ... дьякон Ованес. С моей профессией трудно не испытывать духовную жажду, – попытался сгладить высказанную глупость Артем.

Дьякон Ованес улыбнулся понимающе и пригласил жестом следовать за ним.

– Старая постройка слева – это ресторан. Здесь прихожане могут отмечать торжества после крещения или венчания, – показал рукой дьякон Ованес на невысокое строение в традиционном крестьянском стиле с соломенной крышей, вы-

тянутое наподобие конюшни, с открытой верандой, пустыми столиками, покрытыми осенней влажностью, и скучающим между ними кассовым аппаратом.

– По выходным тут многолюдно – да и внутри гораздо... Ну, потом посмотрите, – сообщил дьякон Ованес. – А здесь вот, на открытом алтаре...

Он указал на монументальное архитектурное сооружение с аркой, то, что Артем расценил как слишком современное оформление входной группы в монастырь.

– Здесь проводится вынос Святого Копия раз в год для верующих – и здесь же осуществляется раз в семь лет мирование. В присутствии всех верующих и прибывших со всего мира глав армянских епархий. Армяне одним миром мазаны, так говорят? Собственно, это священнодействие во всех христианских церквях существует. Армянская церковь – апостольская, то есть основана апостолами Фадеем и Варфоломеем, другие церкви, которые не были основаны апостолами, являются основанными апостольскими церквями. А обряд миропомазания восходит как раз к апостольским временам. В первоначальной церкви каждый новокрещеный получал благословение дара Святого Духа через возложение рук апостола или епископа церкви. Так как христианство распространялось на большое количество людей, с ростом их числа стали физически невозможны личные встречи каждого новокрещеного с епископом, и потому рукоположение было заменено миропомазанием. Во всех церквях миро ва-

рится по особым правилам, только вот у нас здесь в святом Эчмиадзине хранится Святое Копье, то, которым римский легионер Лонгин пронзил тело Христа, и это Святое Копье используется для мироварения, его опускают в сосуд, когда 40 дней Святейший освещает мир.

– Мир, всегда хотел узнать, оно из чего? – заинтересованно спросил Артем.

Дьякон Ованес охотно объяснил:

– Освящение святого миро – исключительная компетенция Католикоса. Его изготавливают в количестве, достаточном для нужд всех приходов, а в состав входит кипяченое масло с примесью бальзама и эссенции, извлеченной из сорока видов растений, и душистого клея. Важно еще то, что в него добавляют около литра святого миро, оставленного от прежде заготовленного, чтобы каждый раз в новое миро входила доля от того, что было изготовлено впервые и, по преданию, освящено Христом Спасителем, а затем привезено в Армению апостолами.

– Ясно, – сказал Артем. – Глубокий смысл. Как-то так, если я правильно понимаю, работает гомеопатия, где от действующего вещества ничего и нет, кроме веры.

Дьякон Ованес слегка скривил губы в улыбке.

– А я могу взглянуть на Святое Копье? – спросил Артем.

– Конечно, – ответил дьякон Ованес, улыбнувшись шире. – В декабре, если приедете, сможете. Это же раз в год происходит. Третьего декабря. Ну, также в музее можете ви-

деть, хоть сейчас. Мы как раз туда идем.

«Как это? Или раз в год, или по билету в музей хоть сейчас?!» – удивился Артем мысленно.

Они шли вдоль старой монастырской стены, опоясывающей главный храм Эчмиадзина. Священная древность, казалось, была растворена в воздухе, заполняя легкие с каждым вздохом.

– Справа – это храм «Сошествия Единородного» начала IV века нашей эры, – коротко сказал дьякон Ованес. – Сейчас он закрыт на реставрацию. Видите, при помощи благодетелей мы его укрепляем, реставрируем внутри, обновляем хранилища, чтобы ближайшие лет двести храм был доступен и безопасен. Все-таки две тысячи лет стоит, сами понимаете. Поначалу он был деревянный, но уже в пятом веке его сделали из камня. Но главное, Григор Просветитель указал при основании, где он увидел сошествие Христа, и дал указание, в каком месте строить храм. Ему было видение, и храм построили на месте древнего капища, еще языческого, но...

Дьякон Ованес запнулся. Артем хотел расспросить о Григоре Просветителе, о котором практически ничего не знал, но, взглянув на священника, обнаружил, что тот смотрит в сторону храма, будто тоже узрел видение.

Объектом его внимания стал не храм, а статный седовласый священник, стоящий в окружении трех человек, явно строителей. Выше их на полголовы, левой рукой он что-то, очевидно, одновременно вербально и невербально объяснял,

а правой рукой призывно махал дьякону Ованесу.

– Это владыка Мушег. Мы встречаемся с ним чуть позже, но он вот... уже зовет...

Все трое пока еще экскурсантов двинулись к храму.

Глава 4. Настоятель

Владыка Мушег – настоятель Эчмиадзинского монастыря показался Артему скорее киногероем, нежели священником. Крепкий мужчина с длинными седыми волосами, аккуратно зачесанными назад, выразительным волевым взглядом и на удивление правильными чертами лица. «Золотое сечение» – так принято называть красивые лица, когда человеческий глаз охватывает весь образ и посылает сигнал мозгу – это красиво. Причем без разницы, речь идет о женщине, мужчине, пейзаже картинном или реальном. Это просто красиво. Владыка Мушег был красив, Артем попытался вспомнить кого в своей жизни он встречал, чтобы наградить подобным эпитетом, но, будучи не особо внимателен к внешности мужчин, вызвал из памяти разве что отдаленно схожего возрастного актера Шона Коннери в роли францисканского монаха Вильяма Баскервильского из фильма «Имя розы» по роману Умберто Эко.

Владыка Мушег продолжал что-то высказывать строителям реконструируемого монастыря, которые только согласно кивали. Закончив разговор, владыка Мушег кивнув Гоар как старой знакомой, внимательно посмотрел на Артема и протянул руку для приветствия.

– Здравствуйте, Артем, спасибо, что нашли время для визита, – голос у него был в унисон с внешностью, с добавлени-

ем властных ноток человека, занимавшего, видимо, высокий пост в церковной иерархии. – Давайте не будем терять времени, я бы хотел изложить вам нашу просьбу. Если согласитесь помочь, будем признательны. Если не получится, тогда дьякон Ованес с радостью просто проведет для вас обещанную экскурсию по территории монастыря и музею.

Артем пожал плечами и приветливо улыбнулся.

– Я всегда рад помочь, чем в моих силах, а кодекс адвокатской этики не позволяет принимать поручение, если не готов его выполнить. Излагайте, владыка.

Владыка Мушег оценил сказанное и в ответ также улыбнулся.

– Тогда давайте пройдем вон туда, в нашу гостиницу, в холле поговорим.

Все двинулись мимо храма наискосок в обратном направлении. Проходя мимо храмовой стены, владыка Мушег повторил уже ранее сказанное дьяконом о строительстве храма в IV веке по видению Григора Просветителя на месте древнего языческого капища.

Гостиницей оказалась современная постройка с отдельным входом, гармонично пристроенная к монастырю.

– Вот, видите, это древние монастырские кельи, – владыка Мушег сделал жест рукой, стоя на ступеньках входа в гостиницу. – Те двери низенькие, видите? Сейчас там просто наши подсобные помещения. Послушники живут в новом здании, оно там, внутри. И это уже не кельи, это как гостинич-

ные номера с телевизорами, холодильниками и интернетом. Не у всех, конечно. Прошу.

Все вошли внутрь скромной ведомственной гостиницы, которых Артем видел множество, путешествуя по судебным делам в интересах корпоративных клиентов. При входе их встретил светского вида вахтер, поздоровавшийся с владыкой и торопливо включивший свет в холле. Гостиница была явно пуста, в связи с чем здесь было весьма прохладно и уютно, священники жили экономно.

Владыка Мушег предложил присесть в мягкие кресла вокруг массивного журнального столика, сам же по-хозяйски занял большой диван, облокотившись на диванную подушку локтем. В левой руке он перебирал серебряные четки, с каждым падающим шариком отсчитывая секунды уходящей вечности.

Артем присел в предложенное кресло, пытаясь принять соответствующую ситуации позу. Он до спинки продвинул тело вглубь, но подал корпус чуть вперед, не разваливаясь, и облокотился на обе руки. Этому приему его научила Оксана, когда-то закончившая курсы протокольного светского этикета. «Нельзя сидеть на краешке кресла, если ты не подчиненный, но и нельзя разваливаться нога на ногу, если не хочешь показаться невежливым к хозяевам», – проговаривала она Артему. «Оказывается, этикету учат где-то? Я думал, понимание приходит с опытом», – отшучивался Артем.

– Полагаю, наш разговор останется между нами? – при-

стально взглянув на Артема темно-кариими глазами из-под густых бровей, спросил владыка Мушег.

Артем молча кивнул, демонстрируя очевидность.

– Хорошо, – владыка Мушег говорил так, будто сейчас сообщит какую-то малозначительную с точки зрения юриспруденции информацию, но имеющую важное значение для хозяйственной деятельности монастыря – типа несвоевременной оплаты пошлины на товарный знак для сувенирной продукции. Но то, что он поведал далее, было весьма далеко от малозначительного факта.

– Наш священник, иеромонах Асогик, он же хранитель Святого Копья и нашего музея, сейчас находится в реанимации местной больницы. Попал туда три дня назад при весьма загадочных обстоятельствах, как о подобном пишут в книгах. Благо об этом не знают даже в газетах, иначе было бы очень душно даже в этом прохладном помещении.

При этих словах Владыка Мушег что-то крикнул по-армянски вахтеру, укрывшемуся в комнатухе при входе. Тот мгновенно вышел – и по тональности ответа Артем понял, что тот оправдывается за отключенное тепло.

Владыка Мушег спокойно продолжил.

– Тепло экономят. В номерах есть кондиционеры, когда гости приезжают, могут включать их себе сами.

Артем понимающе кивнул снова, призывая продолжить рассказ.

– Да... Так вот, понимаете, Артем, иеромонах Асогик, как

я сказал, хранитель Святого Копья. А храмовый комплекс сейчас на реконструкции, в чем вы только что могли убедиться. Нам на днях привезли новую сейфовую дверь для хранилища реликвий. Это время Святое Копье хранилось... точнее, за его сохранность вне хранилища отвечает иеромонах Асогик. Значение святого артефакта не имеет смысла разьяснять?

Артем кивнул отрицательно, продолжая слушать.

Владыка Мушег в этот раз выждал паузу, явно подбирая слова. Падение серебряных шариков в его руке, удерживаемых тонкой нитью, слегка ускорилось. Артем знал, что священники – не дилетанты в риторике, им не свойственно начинать разговор, по ходу подбирая слова, и мысленно собираться, оттягивая время фразами-паразитами вроде «Ну, как бы, эээ, понимаете ли...» Священники – люди, умеющие говорить, как Иисус в Нагорной проповеди, зная, о чем говорят, понимая, что говорят, и искренне веря, что будут услышаны и поняты.

– Если я правильно понял, – решил вслух сопоставить факты Артем, – что-то случилось со Святым Копьем, раз уж за его сохранность отвечал иеромонах Асогик, а теперь он в реанимации, и разговор между нами конфиденциальный?

Владыка Мушег кивнул, не радуясь догадливости гостя и никак не выражая других эмоций.

– Вы правильно все поняли, Артем, спасибо. Мы не сомневаемся, что со Святым Копьем все в порядке. Мы знаем,

что иеромонах Асогик как раз тот человек, кто не позволит чему-то случиться. Но... Он не просто в реанимации, он в коме, потому сказать ничего не может, а мы не знаем места, где он его сохранил. Точного места. Вопрос времени – нам это выяснить, и, опять же, иеромонах Асогик с Божьей помощью и нашими молитвами поправится, выйдет из комы, только вот обстоятельства его внезапной госпитализации вынудили обратиться к вам с просьбой.

Артем взглянул на дьякона Ованеса. Его лицо ничего не выражало, явно просто слушал то, о чем уже знал. Артем перевел взгляд на Гоар, которая вообще с момента приезда не проронила ни слова, кроме приветствия. «Вероятно, потому, что монастырь мужской, а она женщина», – подумал Артем.

– Об обстоятельствах, пожалуйста, поподробнее, – попросил Артем уже явно заинтересованно.

– Да, конечно. Вот тут как раз, почему мы с просьбой именно к вам. Наш брат попал в реанимацию от удара камнем по голове. Как это произошло, мы не знаем. Знаем, что он вышел за пределы монастыря, что делал крайне редко, и все случилось сразу после вечерней службы. Не в главном храме, а в часовне напротив, в том, где на время реконструкции проходят службы, вы его еще не посетили. Как вы можете обнаружить, у нас открытое пространство, и на вечернюю службу, как и на любую другую, вход свободный для всех верующих. Так вот, после службы послушники и священники возвращаются в свои... кельи. Выйти за пределы монастыря

можно с разрешения настоятеля, но нельзя сказать, что это средневековое правило так работает, что священнослужителю высокого уровня нельзя отойти на пару метров от входа и с кем-то встретиться для разговора. Или проводить прихожанина после вечерни. Вот у главного входа в монастырь святого Эчмиадзина и нашли бедного иеромонаха Асогика с травмой головы. Рядом лежал окровавленный камень. Нам об этом сообщила полиция, у них свое расследование. У нас свое.

Владыка Мушег многозначительно замолчал.

– У вас свое... – Артем безэмоционально повторил фразу, предлагая продолжить рассказ.

– Да, мы выяснили, с кем контактировал иеромонах Асогик в последнее время. Тем же и полиция занималась, о чем мы в курсе, конечно. Так вот, полиция пока не обратила внимания на один контакт, потому что... Потому что он состоялся за месяц до этого и был всего лишь короткой эсэмэской, малозначащей: они с контактером дальние родственники.

Владыка Мушег еще ускорил перебор серебряных шариков своих четок и, видимо, дойдя на ощупь до большего по размеру – черного, продолжил:

– Мы узнали, что между иеромонахом Асогиком и его дальним родственником был всего один-единственный смс-контакт. Тот написал, давно, мол, не виделись, Иеромонах Асогик ответил: «Нет никаких препятствий, приходи на службу». Через три дня полиция нашла этого родственни-

ка повешенным. Официальная версия – самоубийство. Какие-то семейные проблемы, личная неустроенность, в общем, ничто не показывало на насильственную смерть.

– Но вы... не знаю, кто это вы... видимо, спецслужба монастыря, заподозрили неладное? – отважился спросить Артем уже точно заинтересованно.

– У монастыря нет спецслужбы, – скромно констатировал владыка Мушег. – У нас монастырь, а не штаб-квартира разведки. Но когда я говорю – мы, я имею в виду святую Армянскую апостольскую Церковь. А вот ей – две тысячи лет. Наверное, мы накопили опыта, чтобы выяснять некоторые вещи быстрее полиции как органа правопорядка. Потому что почти все полицейские – наши прихожане.

Артем уважительно и понимающе кивнул.

– Мы заподозрили неладное, потому что полиция не придала значения воткнутому в дерево, где нашли повешенного, ножу. Его дети подтвердили, нож знакомый, у отца его видели точно. Возможно, воткнул нож в отчаянии, потом наложил на себя руки. Или ножом край веревки подрезал, может, для очистки веток взял – объяснений много. Ничего экстраординарного, казалось бы. Но мы... При монастыре есть духовная семинария, мы все ее выпускники, многие стали учеными богословия, у нас есть своя ученая иерархия. И один из предметов, что мы изучали в семинарии и затем в духовной академии, – это история тайных религиозных, псевдорелигиозных обществ и сект, провозглашающих себя христиан-

скими церквями. С действующими врагами нам приходится иметь дело чуть ли не ежедневно, вы даже не представляете, сколько людей «видят Иисуса или видят в себе пророка», и, конечно, учитывая нашу историческую миссию, нам приходится противостоять таким...

Владыка Мушег, перебирая четки, замолчал. Артем отсчитал порцию уважительного ожидания падением шаров четок, снова спросил:

– И что такого вы обнаружили в фактах повешения и воткнутого в дерево кухонного ножа?

В силу профессиональных обстоятельств у Артема было особое отношение к кухонным ножам, подменяемым вместо ритуальных. Поэтому он услышал то, что ожидал.

– На лезвии ножа были вытравлены латинские буквы: «S.S.S.G.G.», вплетенные в орнамент. Это не совсем армянский орнамент, хотя и с привычными виноградными листьями. И хотя у армян есть привычка украшать семейные ножи надписями, но латинские буквы... тем более эти... И в совокупности с деревом и повешением...

Невольно все собеседники подались вперед, невзирая на этикет. Гоар и дьякон Ованес явно не были в курсе этой части повествования. Владыка Мушег, не меняя позы опоры на локоть и не переставая перебирать четки, продолжил, совершенно не оценив внимания собеседников.

– Я уверен, вы без понятия, что означают эти символы и такие совпадения, потому без интриги скажу: «S.S.S.G.G.» –

это аббревиатура нетипичного и вроде давно переставшего существовать тайного общества «Вольных судей». Не поручусь за точность немецкого произношения, этот язык для меня пятый по значимости и навыкам, но звучит расшифровка литер так: «Stock, Stein, Strick, Grass, Grein»

– «Палка, камень, веревка, трава, страдание», – автоматически перевел Артем, для которого немецкий был вторым языком. – И что это значит?

– Дело в том, что воткнутый в дерево повешенного нож – это традиция казни, как я уже сказал, переставшего существовать некогда тайного общества из Вестфалии «Vehm-Gerichte».

– Фем... Герихьте? – Артем задумался. – Это как переводится, как «удаленный суд» или как-то так?

– Скорее, «Священное судилище», во всяком случае, нас так учили. В Германской империи после изгнания Генриха Льва в XIII веке начался период насилия и анархии. Императорский суд не заседал, феодалы притесняли народ, а людям нужна была справедливость и неминуемая кара преступников, кем бы они ни были. Потому и появились такие вот вольные суды. В Дортмунде был обнаружен фемический кодекс⁵, чтение которого было запрещено непосвященным под страхом смерти. Там была расписана иерархия органи-

⁵ Фемические суды – система тайной судебной организации, появившаяся в Вестфалии в конце XII – начале XIII веков. Суды существовали в Германии и ряде других европейских стран в XII – XVI веках. – Прим. ред.

зации – члены первой степени назывались «главные судьи», второй – «сидящие на скамьях», то есть заседатели, третьей – «послы». А суд имел двухступенчатую систему – «открытый» суд и «тайный». Эти суды принимали к рассмотрению все преступления против христианской религии, Евангелия и десяти заповедей. Судили они, правда, не всех, за пределами юрисдикции оказались женщины, дети, духовенство, иудеи, язычники и высшее дворянство. Процедура суда состояла в предъявлении обвинения, которое делал вольный заседатель, и обвиняемый обязан был явиться. Вызов писали на пергаменте с приложением семи печатей и давали шесть недель для явки... Но, простите, увлекся...

Судя по всему, тему борьбы с сектантами владыка Мушег знал на отлично, участь в семинарии, потому слегка перебрал с выплеском знаний.

– Важно вот что, – он продолжал. – После осуждения обвинитель с помощью других членов общества приводил в исполнение один из трех приговоров: изгнание, разжалование или смерть. Смерть описывалась так – «для шеи веревка», «тело на съедение птицам и хищным зверям», «имущество – конфисковать».

– Пока непонятно, как, кроме аббревиатуры на ноже, связана смерть этого несчастного с древним обществом из Германии, – задумчиво произнес Артем.

– Связь в процедуре. Нож втыкали в дерево, на котором вешали осужденного, чтобы показать: он принял смерть от

«священного судилища». Если жертва сопротивлялась, ее убивали кинжалом, тогда оружие оставляли в ране с этой же целью.

– То есть, вы полагаете, в данном случае речь идет о казни – исходя из воткнутого ритуального ножа в дерево, на котором был повешен человек? – спросил Артем с сомнением в голосе.

Владыка Мушег выпрямился и чуть наклонился вперед, вперив в Артема пронзительный взгляд.

– Мы выяснили, что жертва, которую, кстати, звали Акоп, за два года до происшествия прибыл из Германии, где больше года был на заработках. И место его работы – как раз земля Северный Рейн-Вестфалия, в городе Падерборне, это на границе с Нижней Саксонией.

Артем при упоминании Падерборна вздрогнул. Это место он помнил хорошо, недалеко от Падерборна находится замок СС – Вевельсбург, где Артем не так давно пережил самое опасное время в своей жизни, приняв участие в полицейской операции по разгрому тайного нацистского общества.

Владыка Мушег, не замечая волнения собеседника, продолжал:

– Родственники Акопа рассказали, что за три дня до происшествия он говорил с кем-то по телефону по-немецки. СМС иеромонаху Асогику отправил в этот же день. Через три дня он оказался повешенным ритуальным способом, а еще через некоторое время наш хранитель Святого Копия

попадает в больницу в результате покушения. Нам кажется, достаточно поводов задуматься о причинно-следственной связи?

– Тем более что место, где работал этот Акоп, по сути – это окрестность замка Вевельсбург, нацистского логова черного ордена Гиммлера? Того, кто в Третьем рейхе был повернут на символизме и артефактах. И «Копье Лонгина» в эту конструкцию очень даже укладывается, – поделился Артем своими соображениями.

– Теперь понятно, почему мы обратились к вам? – спросил владыка Мушег.

Глава 5. Мировой заговор

– Вероятно, я должен выполнить какое-то ваше поручение в Германии, раз речь идет о немецком тайном обществе. Тем более – бывал я в этом Падерборне, и совсем недавно.

В этот раз владыка Мушег все-таки улыбнулся.

– Нет. В земле Северный Рейн – Вестфалия у нас есть кому выполнять поручения, потому что именно там, в Кельне, находится резиденция Германской епархии Армянской апостольской церкви. Ваш опыт и знания мы бы просили использовать здесь, в Армении. Суть нашей просьбы – помочь отыскать место, где иеромонах Асогик мог сохранить Святое Копье и, соответственно, принять меры к обеспечению его безопасности. В этом вам поможет дьякон Ованес, и любое содействие с нашей стороны мы обеспечим. По поводу гонорара можете не беспокоиться: Святое Копье – один из главных символов веры нашей Церкви, потому в данном случае мы не будем торговаться. Тем более, что мы знаем ваши почасовые расценки, нас они устраивают. А по результату работы мы найдем способ отблагодарить. Полагаю, вы в курсе, что Армения для армян мира – это очаг, а родина для каждого своя. И потому, учитывая вашу международную практику, помощь со стороны армянской диаспоры в любой стране мира для вас будет неопценима.

Артем задумчиво кивнул, представив на минуту, как в Ду-

бае его встречают в аэропорту крепкие армянские парни на белых «Лексусах», а по мутной воде Сиамского залива его везут на белом катере серьезные ребята в банданах цветов армянского флага.

Артем махнул рукой перед лицом, будто отгоняя видения. Перевел взгляд с одного собеседника на другого, остановился на лице владыки Мушега, внимательно ожидающего вопросов.

– Я не очень понимаю, чем могут быть полезен... Я в Армении впервые, не знаю ни языка, ни традиций, не знаком с бытом монастыря. Я здесь только по навигатору, если за рулем. Какой от меня толк?

– В этом как раз ваше преимущество. Вас никто не знает, вы адвокат, прибыли в Ереван совсем по другому поводу, путешествуете по Армении в сопровождении послушника монастыря, ибо увлекаетесь историей. А для нас главное вот что. Мы немного знакомы с материалами расследования дела против нацистского общества в Германии, в котором вы засветились. Судя по всему, мы имеем дело с теми же людьми или, по сути, той же организацией, одной из ее ветвей.

– Откуда вы... – удивился было Артем, но осекся. – Ах да... Епархия в Кельне, а Церкви две тысячи лет, и все полицейские – ваши прихожане...

– В Германии, к сожалению, не все, но в этой части страны, конечно встречаются, – с достоинством ответил владыка

Мушег. – Если наши догадки верны, поручение организации здесь выполняют «послы», незнакомые вам люди, потому ваше здесь присутствие их не насторожит. Для местных членов общества, если таковые имеются, тем более вы – вообще никто. А вот если кто-то из нас проявит активность, то «фемы» среагируют мгновенно. Мы надеемся, они не знают, где хранится Святое Копье, и, видимо, покушением на иеромонаха Асогика нас просто провоцируют, чтобы узнать место его нахождения и завладеть. Реконструкция храмового комплекса Эчмиадзина – факт общеизвестный, и про временное хранилище Святого Копья нетрудно догадаться. Но вот где оно?

– Они как бы бросили камень и следят за кругами по воде? – спросил Артем.

– Да, причем камень они бросили в буквальном смысле, проломив им голову несчастному иеромонаху Асогику, дай Бог ему скорейшего выздоровления.

Артем задумался. Предложение было интересным, кому-то из коллег подобные поручения не достаются никогда, а ему вот везет уже третий раз в жизни.

– Владыка, еще вопрос, – Артем задумчиво потер правый висок пальцем, будто пакуя очередную порцию любопытства. – Зачем немецкому обществу армянское копье? Если, вы говорите, они существовали на рубеже XIII–XV веков, то почему ранее не были замечены в поисках копья? Или были?

– Мы полагаем, потому, что копьё хранилось в Германии, Австрии, точнее, в Германской империи, Священной Римской империи, Третьем рейхе. То есть то копьё, которое принято считать Венским или Хофбургским. Знаете, тогда более серьезные люди обладали артефактом, такие, что местечковому обществу из Вестфалии не чета. На сегодня это копьё как символ веры, обесценено: различными экспертизами, да и самим фактом нахождения в руках у недостойных представителей человечества – вроде нацистского лидера. Не подходит для символа, тем более тайного общества с амбициями лидерства в европейском христианстве. Армянское же Святое Копьё хранится у нас с I века нашей эры, как его привез апостол Фадей, этого никто никогда не оспаривал. Чудеса, приписываемые копыю, как, например, исцеление целой страны от холеры, никем не опровергнуты. А потому, обладая таким символом, общество «вольных судей» вполне рассчитывает на общемировое признание, выход из забвения сразу на первую роль. Время тем более подходящее, когда мировая правовая система трещит по швам, а люди продолжают ждать справедливости.

Артем задумался надолго. Он в очередной раз ощутил формирующийся где-то внутри вихрик профессионального интереса, первобытного охотничьего азарта и мужской отваги, без контроля грозящих превратиться в ураган безрассудства и ребячьей удали. Ноздри под воздействием гормонов уже слышали ароматы пыли, ладана, женских духов, соб-

ственного и чужого пота, всего того, чем был пропитан воздух помещения; ухо транслировало далекие звуки стройки реставрируемого храма, голос экскурсовода, что-то говорящего очередной группе туристов, звяканье серебряных шаров на четках владыки Мушега и даже скрип его пальцев по серебряной нити.

– Лестное предложение, владыка. Я согласен.

– И правильно, мы не сомневались, – владыка Мушег призывно посмотрел на присутствующих.

Гоар и дьякон Ованес одобритительно закивали.

– Гоар-джан, дьякон Ованес, раз уж наш друг Артем согласился стать нашим адвокатом, могу я вас попросить оставить нас наедине на несколько минут? Не из-за недоверия к вам, а скорее из уважения к правилам сохранения адвокатской тайны. Правильно я говорю, Артем-джан? Мы ведь должны формализовать отношения приватно, то есть в отсутствие третьих лиц, даже если мы их очень любим и доверяем безмерно?

Артем ответил утвердительно, подозревая, что Владыка хочет ему сообщить что-то совсем тайное.

– Пригласите с собой нашего уважаемого вахтера, он там, у себя в комнате. Подождите снаружи.

Когда дьякон Ованес и Гоар вышли, прихватив по дороге удивленного охранника, владыка Мушег сменил позу, уперся локтями в колени и всмотрелся в глаза Артема.

Тот молча отвечал внимательным взглядом.

– Артем, версия попытки похищения Святого Копья, что я вам изложил, основная и имеющая право на существование. Но, по нашим сведениям, все может быть немного сложнее. И, соответственно, опаснее. Потому, я хочу вас посвятить в кое-какие детали, которые мы стараемся ограничивать в распространении.

Артем чуть заметно кивнул.

– Дело в том, что эти Вольные судьи – вершина айсберга, часть глобального плана, про который часто говорят, пишут книги, снимают фильмы.

– Вы имеете в виду план по уничтожению или стерилизации человечества? Что-то вроде теории золотого миллиарда, теневого мирового правительства, мирового господства? – спросил Артем.

– Это хорошо, что вы не усмехаетесь. Ибо мы относимся к этому весьма серьезно, – сказал владыка Мушег. – К сожалению, начавшееся не так давно наступление по всем фронтам на религиозные ценности, как то – семья, любовь, терпимость, институт брака, скромность и воздержанность, поддержанное вливанием в агрессивную рекламу потребительства, не могут не вызывать беспокойства. Развитие искусственного интеллекта неминуемо приведет к ненужности людей во многих сферах, а раз так, то чтобы прокормить лишних, привыкших потреблять, потребуются ресурсы. Очевидно, что тот, кто будет управлять таким обществом, должен сократить его численность. Или естественным

путем, за счет снижения рождаемости, для чего как раз имеется пропаганда child-free и прочего, или искусственным – за счет умерщвления. Убить миллионы и миллиарды путем традиционных казней или войн уже невозможно, остается только то, что мы недавно смогли почувствовать.

– Напоминаете на пандемию коронавируса? – догадался Артем. – Об этом много пишут, что тут искусственная история, даже ВОЗ предупреждает, мол, следующая пандемия может быть более смертоносной, до 80 процентов смертности.

– 80 процентов – это как раз и есть сокращение числа людей до 1 миллиарда, тут со Всемирной организацией здравоохранения можно согласиться.

– Да, я и сам понял, еще до объявления пандемии, что у китайцев утекло что-то непростое, – поделился Артем своими выводами, основанными на карантинных раздумьях. – Особенно когда видел в новостях, как они в спецодежде и масках чем-то поливали улицы, дороги, стены домов, закрыв там жителей. Я служил в армии и сразу вспомнил, что такие мероприятия называются штатными дегазационными, дезактивационными или дезинфекционными. А раз проводятся штатные мероприятия, значит, утекло какое-то штатное вещество – или было применено под видом утечки. А европейская вспышка на севере Италии, в районе Турина, объясняется очень просто – там полно китайцев, работающих на швейных фабриках. И они все поехали домой в Китай, потому что в Европе начались рождественские каникулы, и че-

рез пару недель вернулись обратно, привезя заразу. К тому же Рождество – привлекательное время для китайских туристов, те просто рванули в Европу, уже будучи зараженными. Как раз декабрь 2019 года, начало эпидемии в Ухани.

– Верно, – согласился владыка Мушег. – Но, наверное, вам интересно, при чем тут Святое Копье?

Артем кивнул в ожидании разъяснений.

– У нас есть достоверная информация, что новая вспышка вируса, какой бы он ни был, планируется в нашем регионе. Армения, Турция, Иран, дальше весь мусульманский мир, Индия и потом Европа. Объяснять, почему, не надо? Страны с традиционными ценностями, большим населением, высоким уровнем рождаемости и весьма богатым географическим положением и природными ископаемыми. Плюс значительная диаспора во всем мире. И главное, в этих странах до сих пор сильна религиозная составляющая, вера объединяет людей и не дает им превратиться в потребительское стадо. Представьте, что одновременно с началом новой смертоносной пандемии в главных религиозных центрах пропадают символы веры. И не просто пропадают, а попадают в руки людей, которые в лучшем случае не обладают никакой репутацией. Ведь не убедительные же слова пророков и посланников Божьих, и прежде всего Иисуса или Магомета, обратили миллиарды людей в христианство или ислам? Это сделали чудеса, ими творимые, причем чудеса исцеления, воскрешения, могущества, доказательства нечеловеческой силы и

власти, принадлежащие таким же людям, как остальные. Ни у кого из верующих нет сомнений в чудодейственности Святого Копья. Люди верят в его силу. Если брать науку в попытке объяснить, как это работает, я полагаю вы слышали о свойствах жидкости, изменяющей свой состав под внешним воздействием?

Артем грустно улыбнулся.

– По странному стечению обстоятельств я прекрасно осведомлен об всем и точно знаю, как это работает. Точнее, верю, что знаю, – поправился Артем в последней фразе, заметив укоризненный взгляд владыки.

– Да, нечто может воздействовать на жидкость так, что она становится восприимчивой к Божьей милости, – сказал владыка Мушег и посмотрел на собеседника, будто ожидая ответа.

– Я читал об этом, – сообщил Артем. – Возможно, и Святое Копье может расположить кластеры жидкости в организме заболевшего человека в таком порядке, что любая молитва или просьба придаст жидкости форму, соответствующую форме воды в человеке здоровом? Ведь человек состоит из воды на 90 процентов, так, вроде? Кстати, мое недавнее приключение в Германии было связано с чем-то подобным, когда тайное нацистское общество решило, используя мистический кортик из уникального металла, создать матрицу воды, заряженную их идеологией, как вирусной информацией. Нацисты понимали, что это работает, им нужна была новая

религия. Не сложилось.

– Мне радостно, что мы говорим на одном языке и понимаем друг друга. Так вот, подводя итог. Мы знаем, что охота идет не только за символами христианской веры и чудодейственными артефактами, которых в мире осталось не так уж много. Копье Лонгина, очевидно, является одним из главных. Мы сейчас взаимодействуем с мусульманскими странами-соседями и получили от них информацию аналогичного характера. Им тоже есть что хранить от посягательств. Если по человечеству ударит смертоносный вирус одновременно с пропагандистским вбросом о пропаже главных религиозных реликвий мира и если эти чудодейственные предметы вдруг окажутся в руках одного лица или группы лиц, тайных авторов этой самой новой пандемии, и они объявят себя главными избавителями человечества, то, как вы понимаете, мировая цивилизация закончится весьма печально. Умрут те, кто, по их замыслу, должен умереть, выживут те, кто подчинится им вольно, невольно или искренне поверив в их мессианскую роль. Вот почему мы так встревожены. И вот почему мы просим вас о помощи. Мы осведомлены о вашем опыте.

Владыка Мушег встал. Артем тоже поднялся, понимая, что главная часть разговора окончена – и дальше могут последовать лишь детали.

– Я предлагаю остановиться здесь, в монастыре, – сказал владыка Мушег таким тоном, будто разговор касался небольшой экскурсии. – В гостинице. Не ваш пятизвездоч-

ный пафос на Северном проспекте, конечно, но здесь другая атмосфера. Мы обеспечим вас питанием, у нас прекрасная столовая, отличные повара, но, если хотите, можете столоваться вот там, в ресторане, если вам более привычно. Мы все оплатим, кроме алкоголя.

Владыка Мушег подмигнул, впервые проявив светские качества и скрываемое ранее чувство юмора.

– Спасибо, – ответил Артем, собравшись и отодвинув на задний план азарт и эйфорию в пользу рациональности профессионала. – Я бы хотел тогда – первое: больше подробностей и зацепку для начала расследования, назовем его адвокатским расследованием. Второе: срочное погружение в монастырскую жизнь, желательно поглубже: от присутствия на службе до общения в монастырской столовой с послушниками монастыря. Третье ...

Владыка Мушег мягко взял его за руку.

– Артем, я полагаю, у вас будет еще время для принятия решения на изменение своего жизненного уклада в пользу монастыря. Пока же ограничимся легендой, что вы турист, которому просто оказано гостеприимство. Поселитесь в гостиницу, келью мы вам предоставить не сможем, к сожалению. Это когда приедете к нам навсегда, тогда, конечно, добро пожаловать. Служба: вечерняя 17:00, утренняя 7:30, вход для всех свободный. В трапезную – вместе с дьяконом Ованесом, как я и сказал, но только в помещение для наших гостей. Хотя пищу обещаем монастырскую без изъятий и до-

полнительных изысков. Ну и ответы на вопросы дьякон Ованес вам обеспечит, если будет сам недостаточно компетентен. Плюс транспорт, полагаю, понадобится – это тоже с нас. Мы же не можем просить Гоар-джан катать вас на своей прекрасной машине, она дама занятая и, к тому же, замужем, а путешествия с посторонними мужчинами у нас не приветствуются, если только это не часть профессии, как у гидов.

– Я понимаю, мне только надо вернуться в мой пафосный золотой отель, как вы верно подметили, владыка. Собрать вещи. Я не готовился к уходу в монастырь. Да и в будущем, полагаю, это не совсем мое, спасибо за предложение.

Владыка Мушег по-братски слегка хлопнул Артема по плечу.

– Не зарекайтесь... Как знать, пути Господни неисповедимы, и замысел Всевышнего нам не понять...

Глава 6. Музей и Монастырь

Пару часов Артем посвятил круговороту из Эчмиадзина в Ереван и обратно. Распрощавшись с Гоар, предложившей звонить в любое время, он вызвал такси и на пропахшем 20-летними грехами и табаком «Кадиллаке» вернулся в лоно святой церкви. Дьякон Ованес ждал на перекрестке пешеходно-туристских путей внутри храмового комплекса. Сумерки наложили тень на все древние постройки; зажженные кое-где окна духовной семинарии и общежития семинаристов успешно воевали с наступавшим вечером; включившиеся уличные фонари и подсветка каменных стен заявляли о временном перемирии между светом и тьмой.

– Красиво! – не смог сдержать восхищения Артем.

– Да, – согласился дьякон Ованес. – Давайте помогу?

И протянул руку к его дорожному чемодану. Тот по-собачьи послушно стоял в ожидании команды, вытянув хвост-рукоять и растопырив лапки-колеса, пока хозяин наслаждался видом окрестностей.

Артем вежливо отказался, и они двинулись к гостинице, где совсем недавно расстались с владыкой Мушегом.

Дорога заняла не более трех минут, но за этот промежуток времени Артем успел обсудить с дьяконом Ованесом план действий на сегодня.

– Если вы хотите отдохнуть, то скажите. Ужин у нас после

вечерней службы, она в 17:00. Закончится в 17:30–17:40, и я вас отведу в трапезную. Встреча у гостиницы сразу после службы.

– Я бы хотел на службу, – твердо сказал Артем. – И не устал совсем. А в музей мы не попадем? И я бы еще хотел осмотреть комнату иеромонаха Асогика, это возможно?

– Если хотите на службу, то встретимся у входа в церковь, вход – вон там, прямо по диагонали мимо главного храма, увидите. К 17:00 подходите. Музей уже закрыт, он до 16:00. Осмотр комнаты иеромонаха мы не можем разрешить: во-первых, не в наших правилах, во-вторых, полиция уже там была. Из личных вещей вам вряд ли что-то понадобится, тетрадь с записями изъяла полиция. Разве что его личная Библия... С пометками. Но она на армянском, поможет ли?

– И как мы начнем поиски, по-вашему? – поинтересовался Артем. – С чего?

Дьякон Ованес пожал плечами. Видно, он не разделял оптимизма настоятеля насчет возможной помощи в расследовании мирянином, тем более – весьма отдаленным от церкви, а от армянской тем более.

– Ладно... Даете Библию? Я полистаю. Бывало, при подготовке к суду изучаешь сотни раз уже просмотренные листы дела и находишь что-то ранее не виденное. Верите? – попытался развеять сомнения дьякона Артем. – Оперативная удача, так это называется у нас.

– Верю, конечно, – спокойно ответил дьякон Ованес. – Если сотни раз читать Святое писание, то всегда найдете ранее не понятое. Вот, например, притча о вдове и неправедном судье. Читали, наверное?

Заметив, что Артем вопросительно ждет, продолжил:

– В одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился. В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: защити меня от соперника моего. Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе: хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но так как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне.

Или вот еще, Иисус сказал: положим, что кто-нибудь, имея друга, придет к нему в полночь в дом и скажет ему: друг! дай мне взаймы три хлеба, ибо друг мой с дороги зашел ко мне, и мне нечего предложить ему; а тот изнутри скажет ему в ответ: не беспокой меня, двери уже заперты, и дети мои со мною на постели; не могу встать и дать тебе. Если он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то, по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит.

– Вы имеете в виду, что то, что я называю оперативной удачей, на самом деле?... – спросил Артем с улыбкой.

– На самом деле – ваша неотступность в достижении цели. А то, что вы называете удачей, – промысел Божий. Это когда от вас ничего не зависит. Идете по улице, а сверху падает кирпич. Или льдина, что в ваших краях скорее. И мимо...

Могла убить, но не убила.

– Промысел?

– Да. Вас никто не спрашивал, хотите вы родиться на свет или нет. Равно как вас не спрашивают, когда вам этот мир покинуть.

– Ладно... – не стал спорить Артем, тем более – они уже стояли на ступенях гостиничного входа.

Мужчины вошли внутрь. Уже знакомый вахтер, встречая, протянул Артему ключ с пластиковой биркой. Тот глянул на бумажный листочек, вмещенный в зеленый ободок: шариковой ручкой была там начертана цифра 5.

Спохватившийся под взглядом дьякона вахтер включил свет в коридоре, куда Артем и двинул лапки-колеса своего чемодана. Ковровая дорожка, видимо, ровесница пристройки, была в отличном состоянии, сообщая, что гостиница при монастыре – не туристский отель, а гостевой дом для редких паломников.

Скрипнула, открываясь, деревянная дверь. Все вошли в номер. Дьякон Ованес снова выразительно посмотрел на вахтера, тот суетливо среагировал:

– Да, добро пожаловать. Если будет холодно, вот пульт от кондиционера. Ну... – он не знал, что еще сказать, ибо номер не отличался особым изыском: обычная комната с застеленной двуспальной кроватью с одной подушкой, шкаф, комод, письменный стол со стулом. На столе радовала глаз ажурная фарфоровая ваза, видимо, для фруктов. Рядом две малень-

кие бутылки питьевой воды и коробка салфеток.

– Уборная? – Артем обнаружил, что в номере нет ни телефона, ни телевизора, и забеспокоился.

– Да, конечно, вот, – вахтер открыл дверь, внутри которой оказался довольно большой санузел со всеми положенными атрибутами, включая даже одноразовую зубную щетку и миниатюрный тюбик с пастой.

– Располагайтесь, – сказал дьякон Ованес. – Увидимся на службе в 17:00, если придете.

Оставшись один, Артем еще раз огляделся. До вечера оставалось 40 минут. Посмотрел в окно, раздвинув занавески. Сквозь ажурную решетку чуть влево открывался пока еще индустриально-строительный вид на древнейший в мире христианский собор. Работники резиновыми молотками трамбовали вокруг новенький настил из местного туфа, укладывая его вместо асфальта. Тяжелые рыжие камни были сложены штабелями у строительного вагончика, Артем на глазок определил их толщину втрое против московских гранитных плит, которыми вымостили дорожки парка Музеон, шедшие пузырями каждую весну.

«На века делают. Простоял храм две тысячи лет – и еще втрое больше простоит», – подумал Артем и сосредоточил взгляд на строении напротив.

В глубине аллеи виднелся красивый фасад здания, на ступенях которого стояла группа священников и мирян, о чем-то говорящих. Взгляд привлек священник, в одиночку бро-

дящий по аллее от этого здания к гостинице. Со спины Артем вообще не обратил на него внимания, но, повернувшись лицом и не спеша двигаясь вперед, он показался знакомым.

«Видел... – подумал Артем. – Точно видел. Буквально вчера. Хотя... Все они с бородками и все черноглазые».

Разобрал чемодан, достав необходимые вещи на сутки вперед; погромел вешалками о тонкие стенки скрипучего шкафа; укомплектовал холодную ванную прихваченными с собой бритвой и одеколоном. При иных обстоятельствах обязательно включил бы телевизор для ознакомления с местными программами, но за отсутствием последнего решил выйти пораньше и осмотреться. Открыв дверь номера, встретился с недружелюбной темнотой коридора: бережливый вахтер выключил свет, так что пришлось подсвечивать дорогу фонариком смартфона.

Вышел на крыльцо, после темноты коридора показалось, что на улице стало даже светлее, чем полчаса назад. Двинулся по аллее к перекрестку; священник со знакомым лицом, увидев его, подозрительно резко развернулся и ускоренным шагом зашагал прочь.

«Вероятно, приставили ко мне соглядатая. Все-таки монастырь... – подумал Артем. – Но лицо... Что-то знакомое...»

Артем наизусть запоминал материалы дела, буквы, даже цифры. Но вот память на лица у него была явно не художественной.

Свернул налево, подошел к дышащему тысячелетиями

христианской истории собору. Внешне традиционный армянский храм с куполом, что не спутать ни с каким другим. Эдакий капюшон верховного патриарха, ничего грандиозного ни в куполе, ни в общем убранстве снаружи. Великолепие церковных зданий обычно зависит от значительности общины и щедрот жертвователей, и, несмотря на полное превосходство в наши дни местной христианской паствы, очевидно, так было не всегда. Армянский народ с IV века нашей эры не сказать что имел материальное благоденствие, так что удивляться скромности внешнего облика старейшего христианского собора мира не приходилось. Артем вспомнил поездку в Иерусалим, когда храм Гроба Господня и храм Рождества Христова не заметил бы, если бы в составе туристской группы не привезли и не показали. Тем не менее сбой сердечного ритма и мурашки по спине существенно отличали восприятие этих святынь – по сравнению с другими яркого убранства храмами иных мест.

В сторону широкого трехъярусного купола относительно современной часовни, расположенной в 50 метрах от главного храма, тянулись люди. Священники – явно торопясь; миряне – скромными семейными стайками. Перед тяжелой дверью люди останавливались и, по-армянски крестясь слева направо, входили внутрь. Артем тоже перекрестился, правда, по православной традиции, справа налево, отметив для себя, что надо будет спросить об этой разнице.

Войдя внутрь, удивился расширившемуся вдруг про-

странству. Церковь, где в период ремонта собора проводились монастырские службы, снаружи не выглядела столь внушительно.

Серый цвет стен и купола не пугал привычной темнотой европейских храмов. Вероятно, потому, что облицовка не была сплошной, а состояла из разных оттенков плит серого туфа, того же, что снаружи был подобран в рыже-розовой палитре тротуарного покрытия. Электрическая люстра под потолком десятками ламп наполняла воздух ярким светом, заменяя солнечный; под сводом купола расположились чугунные стойки-подсвечники с зажженными восковыми свечами. Армянские подсвечники – наполненные водой ванны с песчаным дном. Зажженные свечи ставят, втыкая в песок, так что расплавленный воск не приходится счищать, он аккуратно застывает на поверхности воды, оставляя причудливые фигурки.

Артем слышал, что у армян нет разделения мест установки свечей на «здравие» и «упокой». Всех поминают как живых, потому ванночки-подсвечники похожи на маленькие священные озера, на поверхности которых близкие люди яркими огнями свечей часто сливаются вместе: здравствующие и ушедшие.

Артем огляделся и, не увидев, где можно приобрести свечу, просто взял ее со стойки у входа и опустил монету в 100 драм в ящик для пожертвований. С трудом нашел угол в этом открытом пространстве, чтобы видеть все происходя-

щее. Свечу зажигать не стал, приятно ощущая мягкий воск и аромат, разминал ее пальцами. Священники занимали места в центре, выныривая из двери справа от входа, по пути поправляя бордового и зеленого цвета ленты, перекинутые через левое плечо монашеской рясы. На лентах отливали золотом плетеные кресты, по бокам той же нити орнамент. Выстроившиеся по периметру священники были без головных уборов, в центре важно восседали на стульях духовные лица в капюшонах, явно саном повыше, их черные одеяния не были украшены лентами.

Мирыне, как и Артем, заняли места вдоль стен, некоторые встали на колени. Все прихожане лицами были обращены к алтарю, абсолютно не похожему на виденные Артемом ранее. Розового туфа престол с двумя тяжелыми подсвечниками, на котором возвышался серебряный сосуд с крышкой, ждал начала богослужения. Голубь на крышке сосуда явно подчеркивал факт, что это вместилище святого миро. За престолом вместо привычного лика Спасителя или Девы Марии было лишь узкое окно-бойница, сквозь которое, вероятно, днем изливался свет, но сейчас в его витражном стекле отражалась лишь торжественность внутреннего убранства.

Началась служба. Хором священники прочли «Отче наш». Артем знал наизусть слова этой молитвы, той, что Иисус учил апостолов, знал на трех языках. Но по-армянски звучащие слова «Отче наш» просто уловил по схожей мелодии и ритму. После началась служба: послушники монасты-

ря, выстроились в две колонны перед пюпитром с раскрытой толстой книгой и, по очереди подходя, мелодично читали – или, скорее, пели – псалмы. Закончив, очередной послушник поворачивался к сидящим сановникам в капюшонах, благоговейно кланялся и уступал очередь следующему. Через какое-то время все запели хором, в несколько голосов, и эхо, отталкиваясь от стен, звуковой волной ударило Артема так, что невольно пришлось опереться о стену.

«Ого...» – мелькнула светская мысль, оценившая красоту религиозного исполнения. Артем давно задумывался, что такое мысли вообще и на каком языке они говорят с нами. Мозг, услышав пение монахов, по-английски, вероятно, сказал бы «Wow!» По-немецки так же. Но ни одно из этих слов, включая русские – «Ого!» или «Ух ты!», не передавало восторга от услышанного.

Не желая впасть в религиозный транс, внутренне включив режим выполнения задачи (он все-таки здесь выполнял поручение и вел адвокатское расследование), Артем перешел к противоположной стене, чтобы видеть лица священников. Поискал глазами дьякона Ованеса; нашел быстро, попытался поймать глазами, но тот, хоть явно видел Артема боковым зрением, не сделал даже попытки встретиться взглядом. Тогда Артем начал поиск знакомого лица священника, увиденного на перекрестке. Среди участников службы его точно не было. Артем включил сканер знакомых черт среди стоящих вдоль стен мирян, и наткнулся на пронзительный взгляд

темно-карих глаз, вперившихся прямо в него. Буквально секунду длилась эта зрительная дуэль, но Артему было достаточно, чтобы опознать человека. Вблизи от входа в часовню стоял тот самый священник с перекрестка, но в этот раз одетый в черное одеяние, явно не священническое. На нем было длинное пальто чуть ниже колен, простенькое, из-под которого отчетливо были видны черные шерстяные брюки, завершающие вполне мирскую композицию ботинками на толстой подошве. Артем не мог перепутать, он узнал священника, виденного часом ранее, и готов был поклясться, это – тот самый, правда, сейчас хоть и в длинном одеянии, но не в рясе. Облачение священника нельзя перепутать, ряса – это ниспадающий плащ до самых пят. Вероятно, он или успел переодеться, или просто закатал полы рясы, спрятав их под длинное пальто, превратившись в мирянина. Но главное – Артем вспомнил, где видел раньше это лицо, показавшееся знакомым. Это был тот самый многодетный, ищущий работу или милостыню прохожий с Северного проспекта, шепнувший: «Ты тут аккуратнее, брат. Просто береги себя...»

Глава 7. Дьякон Ованес

Служба закончилась знакомым тембром «Отче наш». Артем зажег свечу, за этот час впитавшуюся воском в пальцы, воткнул в песчаное дно ближайшего подсвечника-ванны. Перекрестился справа налево, по-православному. Подумав, еще раз перекрестился слева направо. Священники потянулись к выходу, тихо переговариваясь, по пути снимая ленты с левого плеча. Миряне, стоявшие во время службы вдоль стен, стайками двинулись на освободившееся место перед алтарем. Кто-то встал на колени и молился, другие что-то шептали и осеняли себя крестным знамением. Артем окинул взглядом прихожан, но того самого псевдосвященника с Северного проспекта не опознал.

«Странно... Хотя уже так «странно», что даже «очевидно», – подумал Артем и тоже зашагал к двери.

Дьякон Ованес, успевший надеть поверх рясы свой черный «Найк», поеживался у входа и потирал быстро озябшие худые руки.

– Готовы к трапезе? – спросил он участливо.

– В такое время, до шести вечера, я ужинать не привык, но, слышал, это полезно.

Дьякон Ованес улыбнулся и жестом руки пригласил воспользоваться правильным советом.

Они пошли мимо собора по направлению к гостинице, где

остановился Артем. Стемнело быстро и окончательно, перемирие между сумерками и искусственной подсветкой Эчмиадзинского монастыря было прервано без войны, древний храм на время черноты ночи победил многомиллиардную историю солнечного превосходства.

– Почему? – неожиданно для себя спросил Артем.

– Что почему? – не понял дьякон Ованес.

Артем стушевался на мгновенье. Внутренне он уже осознал, что задал дурацкий вопрос, точнее, этот вопрос сам вырвался наружу из вихря разнородных мыслей.

– Простите, отец... дьякон Ованес. Я хотел спросить: почему вы выбрали жизнь в монастыре? Вы и остальные, ну, кого я только что видел. Молодые ребята выбрали церковную жизнь? Опять же монастырь – это же не... Ну, как бы... Несовременно.

Дьякон Ованес, скосив взгляд на Артема и забавно ткнув пальцем в дужку очков, поправляя их, неожиданно произнес:

– Вообще-то я хотел стать военным.

Видя, как собеседник отреагировал открытым ртом, дьякон Ованес продолжил:

– Мы пришли. Расскажу за трапезой.

Дверь в трапезную оказалась в нескольких метрах от входа в гостиницу, только за углом, в невзрачной арке, мимо которой Артем уже проходил по приезду в Эчмиадзин. Этакий один из многих служебных входов в большой комплекс

монастыря.

Вошли внутрь, где-то вдалеке справа от входа раздавались веселые голоса и звяканье посуды. Сводчатые колонны поддерживали низкий потолок, помещение выглядело современной столовой, только залы были темны. Вероятно, трапезная монастыря была рассчитана на большое количество гостей и по праздникам бывает полна, а сами послушники и семинаристы принимают пищу где-то там, откуда было шумно и ароматно. Дьякон Ованес пригласил Артема остановиться почти у входа, где за колонной притаился небольшой освещенный закуток трапезной. В центре белоснежной скатертью призывал присесть стол, накрытый на две персоны; хлебница с лавашом, кувшин с розовым напитком подтверждали гостеприимство.

– Для нас здесь, как для почетных гостей, вот, пожалуйста! – с улыбкой сообщил дьякон Ованес.

– Все-таки хорошо бы вместе со всеми, – вздохнул Артем. Дьякон Ованес пожал плечами, присаживаясь напротив.

– Нет, это не по правилам. Но пища будет наша, так что вкусите того же.

К удивлению Артема, тележку с монастырским яствами прикатила женщина. Среднего возраста, улыбчивая, одетая, как и следует официантке столовой, в белый передник и козынку. Поставила на стол тарелки с нарезанными овощами, армянским сыром двух сортов, несколькими кусочками жареной курицы, сосисками, и в качестве, видимо, основного

блюда, каждому по тарелке омлета с горохом.

– Богато! – удивился Артем.

– Ну, на выбор. Там у нас как бы шведский стол. Все есть необязательно, не волнуйтесь. А завтра – постный день, так что предупреждаю.

Официантка завершила композицию заварным чайником и двумя чашками, пожелала приятного аппетита и удалилась вместе с тележкой.

– У вас тут и пианино, я смотрю, – Артем кивнул головой в сторону стоящего недалеко пожилого инструмента. – Похожий я видел в холле гостиницы.

– Мы иногда проводим музыкальные вечера, это правда. Даже часто, – сообщил дьякон Ованес, тихо прочел молитву и пригласил Артема начать трапезу.

– Я смотрю, не все ваши пришли на ужин. Это обязательное мероприятие? – поинтересовался Артем, впервые в жизни пробуя такое сочетание – припущенный в кипятке горох с яйцом.

– Обязательно посещение для вечерней службы. А ужин – дело добровольное. Плюс семейные пошли домой.

– У вас есть семейные монахи? – удивился Артем. – Это ж монастырь?

– Монахи – это монахи, у них нет семьи. Каждый волен сделать выбор, стать монахом или брачным священником, то есть семейным. Со временем все едут служить в разные храмы: и монахи, и священники брачные. Как святейший лично

распределит.

– Я так понял, монахам отдается приоритет? – Артем хитро улыбнулся. – В смысле карьеры, если можно так выразиться.

– Можно так выразиться. И это не удивительно. Каждый сам определяет свою степень служения Богу. Вообще, монастырские установления у армян не имеют ничего общего с системой монашеских орденов на Западе. Каждый монастырь образует независимую общину. Члены его, добровольно подчинившиеся предписаниям канонического устава, не связывают себя монашескими обетами. Как сказал известный богослов патриарх Константинопольский архиепископ Магакия Орманиян – «время монахов-затворников и монахов-созерцателей миновало безвозвратно». Просто для брачного духовенства доступны не все должности, скажем, не выше архипастыря, викария или члена совета. Ну, это тема отдельной лекции, не хочу вас утомлять.

Артем задумался на минуту и снова спросил:

– Вы обещали рассказать, как это: хотел стать военным – и тут такой поворот на 180 градусов. Где военный, а где священник? Это же... Даже не могу понять, как это? Или военный, или священник, разве нет?

Артем искренне недоумевал. Дьякон Ованес, почти не притронувшись к своему блюду, налил чаю с чабрецом в обе чашки. Пригубил.

– Мой дядя – военный летчик. Пилот вертолета, прошел

Афганистан, награжден, был тяжело ранен. Много рассказывал о службе. И я решил стать пилотом военного вертолета, как он. Поступил в летное училище в Сызрани, где готовят вертолетчиков. Точнее, почти поступил.

– Как это? – спросил Артем.

– Экзамены сдал, а вот повторную медкомиссию... – он показал на очки. – Зрение. Первую медкомиссию я как-то прошел, выучил эту таблицу для проверки зрения наизусть. А вот вторую... Я же не знал, что после экзаменов нас снова проверят – и по другим таблицам. Вот и вернулся домой. И решил пойти в духовную семинарию. Но от военной службы не отказался.

Артем продолжал вопросительно смотреть на собеседника.

– Я служил восемь лет армейским капелланом. Это священник полковой. Там, на линии соприкосновения.

Артем искренне недоумевал. Сидевший напротив него, как ранее казалось, абсолютно миролюбивый человек, невысокий и сухого телосложения святой отец, в очках и спортивной крутке «Найк» поверх рясы, оказывается – «боевой батюшка», как Артем окрестил своего знакомого священника Русской православной церкви отца Петра, дослужившегося до капитана ВДВ в свое время. Однако тот сначала был военным, а потом пошел во служение Богу, но дьякон Ованес оказался настоящим «боевым батюшкой».

– В смысле... в Карабахе? – уточнил Артем.

Дьякон Ованес молча кивнул.

– Здорово... – Артем не знал, что и сказать. Спросил: – Ну и как думаете, это нужная профессия... В смысле, для армии?

– Конечно, – ответил дьякон Ованес.

– Это как замполит? Воспитание солдат в духе патриотизма? Что-то такое? – поинтересовался Артем и смутился, ощутив, что опять задал дурацкий вопрос.

Дьякон Ованес не обиделся.

– Не совсем, хотя, может быть, и похоже. Мы не воспитываем солдат. Мы делаем то же самое, что делают священники в храмах для прихожан. Просто на передовой нет возможности у верующих обратиться к Богу через священнодействие, они очень заняты. А потребность есть. И еще какая! И мы им помогаем. Конечно, в том числе мы, безусловно, поднимаем и боевой дух. На войне обычному человеку не может не быть страшно. И люди там чаще всего вспоминают о своей вере в Бога и молятся более искренне, это ж понятно.

Артем отодвинул тарелку, пригубил остывающего чая из своей чашки. Голоса и звон посуды где-то вдалеке не смолкали.

– А расскажите? – попросил Артем.

Дьякон Ованес взглянул на него поверх очков, чуть наклонив голову.

– Рассказать что?

Артем поерзал на стуле, формулируя вопрос поделикат-

нее, раздираемый любопытством.

– Ну, какой-нибудь случай из вашей службы. Наверняка, помимо рутинной деятельности священника, было что-то такое, что вспоминаешь чаще всего.

– Вам это правда интересно? – слегка удивился дьякон Ованес. – Я думал, мы будем беседовать о деле, которое вам поручено.

Артем смутился.

– Это да... Простите, дьякон Ованес. Возможно, вам нельзя об этом говорить...

– Нет, просто меня никто никогда об этом не спрашивал. Я обязательно что-то расскажу. Но мне бы хотелось знать: с чего мы начнем? На утренней службе владыка Мушег спросит меня, с чего мы решили начать. Мне ему что-то надо ответить.

– Вы мне обещали Библию иеромонаха Асогика. С пометками.

Дьякон Ованес кивнул.

– Во-вторых, прошу учесть, я же не полицейский, и я вообще ничего не знаю ни о вашем быте, ни о людях, кто здесь живет. Я вообще не понимаю, как я согласился на предложение о помощи. Владыка Мушег меня будто загипнотизировал, будто он уверен в том, что я точно смогу помочь. А я, если честно, без понятия, с чего начать. Я ему об этом сказал ведь, но... Просто надо что-то делать и ждать оперативную удачу. Тут веры недостаточно. Или...

И тут Артема осенило. Владыка Мушег говорил, вплетая смысл между строк своей речи. А Артем, зачарованный его харизмой и предложением помочь самой старшей христианской церкви Европы, не распознал этого межстрочного текста.

– Или... – на губах Артема была грустная полуулыбка. – Я, кажется, понял. Ладно. Надо же... И ведь ни словом, ни жестом...

Дьякон Ованес добро смотрел на Артема.

– Я рад, что вы понимаете, Артем. Не хотелось бы производить вслух ваши догадки, они могут быть ошибочны, могут быть отчасти верны, а может быть – абсолютно истинны. Но мы говорим о поисках главного артефакта церкви и не вправе рисковать, произнося вслух хоть верные догадки, хоть далекие от истины. Одно я вам откровенно скажу, мы ищем место, где иеромонах Асогик спрятал Святое Копье. Мы не знаем, где оно. И мы не знаем, кто наш враг. Два неизвестных члена уравнения, согласны? Но вы знаете врага, то есть вы осведомлены об одном из членов. И потому вы нужны нам.

– Я как раз это-то и понял, – задумчиво произнес Артем. – Вы не знаете врага, тем более – внутри вашей обители, потому не можете никому доверять. А я этих ребят знаю, точнее, не всех, конечно, но с ними встречался, и, самое главное, они знают меня. А раз так, то как-то себя проявят. И вот тут я вам точно пригожусь.

Дьякон Ованес пожал плечами и приложил палец к губам.

– Ладно, – сказал Артем, в ответ повторив его жест. – А вы бы с чего начали?

– С рабочего кабинета, – ответил дьякон Ованес. – В музее.

Артем приподнял брови.

– Я же вроде это и предложил, но вы отказали..? – удивился он.

– Вы спросили о его личных покоях, о келье или как вы выразились? А рабочий кабинет директора музея, он же хранитель Святого Копья, – это пожалуйста.

Артем покачал головой. Ему не пришло в голову, что у хранителя Копья есть рабочий кабинет. В сознании Артема монастырь ассоциировался с кельями, молитвенными, библиотекой, трапезной и храмом. Рабочего кабинета в этой мысленной картинке почему-то не оказалось. Отчасти, возможно, потому, что с настоятелем всего монастыря епископом Мушегом он встречался в холле гостиницы, а не в рабочем кабинете.

– Я так понимаю, мы это сделаем завтра. Сегодня ведь уже будет совсем неправильно, если адвокат-турист из Германии пойдет в закрытый музей? – спросил Артем.

Дьякон Ованес согласно кивнул.

– И еще вот что, – Артем снова задумался над формулировками. – Скажите честно, вы не приставили ко мне соглядателя? Ну, следящего за мной человека?

Дьякон Ованес откровенно удивился.

– В каком смысле, Артем? Кроме меня, кто еще следит за вами, я не знаю. Почему вы спрашиваете?

Артем рассказал о попрошайке с Северного проспекта.

Дьякон Ованес задумался.

– Завтра перед посещением музея просмотрим видеозаписи с камер. Покажете мне его. Может, я опознаю.

Закончив трапезу, мужчины вышли на свежий воздух. Дьякон Ованес протянул руку для рукопожатия.

– Завтра, если хотите, утренняя служба там же в 7:30. После службы завтрак здесь. Встретимся у входа в гостиницу в 8:15?

– Я приду на службу, – твердо сказал Артем. – Там увидимся. А пока пройдуь тут, осмотрюсь. Можно?

Дьякон Ованес кивнул.

– Конечно. Погуляйте. Там, кстати, за типографией, на площади перед открытым алтарем, ресторан. Помните? Наверняка работает. Если вдруг захотите перекусить или десерт. Все-таки для вас рановата такая вечерняя трапеза, еще проголодаетесь. Ресторан до 22-х, если нет какого-то закрытого торжества у мирян, то вам будут рады.

Дьякон Ованес удалился, а Артем, застегнув плащ и затянув на шее клетчатый легкий шарф, пошел вдоль монастырских зданий, решив обойти главный собор вокруг по периметру.

Дорожка была освещена слабо, внимание фонарей бы-

ло сосредоточено на патриаршем соборе, потому от темных стен монастыря веяло чем-то таинственно-мистическим. Артем присмотрелся к фонарям, это были под старину искусно выполненные плафоны на столбах, а на их матовом стекле, словно в театре теней, закрывали свет кованые птицы, сидящие на ветках, и львы с распростертыми лапами. Артем остановился у низенькой двери в келью, которую использовали, он уже знал, как кладовую. Дверь была приоткрыта, внутри шуршал человек, перекладывая инструменты.

«Тут мест, где спрятать копье, – полно. В любую из этих кладовок, в хозяйственное ведро – да прикрой ветошью. Уж не говоря о тайниках в каменных стенах. Иголка в стоге сена», – подумал Артем, хотя внутренне понимал: со святым артефактом так поступать нельзя.

Постоял немного у арки, закрытой коваными воротами. В глубине виднелся современный гостиничный комплекс с лоджиями. Практически все окна были освещены, вероятно, это и были монашеские кельи XXI века.

Артем завершил прогулочный круг, обернулся на собор. Из-под капюшона купола на полфазы выглядывала Луна, придавая еще большей таинственности приключению, в которое позволил себя втянуть Артем. Захотелось перекреститься, что он и сделал не замедлив. Прошел вдоль черных каменных зданий гостиницы для «випов», закрытой сувенирной лавки и типографии. Повернул направо, туда, где сверкала огнями веранда ресторана. Это заведение для тор-

жеств снаружи не было чем-то привлекательным в свете декоративных фонариков, как и при дневном знакомстве; так – хоздвор с низкой соломенной крышей. Артем представил внутреннее убранство, эдакий деревенский стиль с узорчатыми коврами на стенах, декоративными колесами от телег вместо абажуров и искусственными листьями винограда со свисающими с потолка пластиковыми гроздьями.

Нехотя дернул за ручку кольца входной двери из массивных досок, сдерживаемых кованными железными ремнями.

Глава 8. Встреча с неизвестным

К своему удивлению, Артем не обнаружил представленного недорогого ресторана в армянском стиле. За дверью оказались каменные ступени круто вниз. Спустившись, он понял, как может обмануть фантазия. То, что снаружи было неприметной конюшней или даже хлевом, внутри оказалось средневековым замком с высокими сводчатыми потолками, поддерживаемыми массивными каменными колоннами, украшенными по периметру мерцающими электрическим пламенем коваными факелами. Высотой метров пять снаружи, здание казалось низким по сравнению с остальными монастырскими постройками и куполом собора, а вот углубленность еще метра на три создало внутри помещения ресторана воздушное пространство с семиметровыми потолками, что, умноженное на его вытянутость, превратило конюшню в настоящий замок. Яркие кованые люстры с десятками ламп-свечей, свисающие с потолка, придавали величественности, хотя и деревенского колорита было предостаточно представлено в арочных углублениях вдоль стен, где словно к обороне замка приготовились массивные деревянные столы и стулья. Зал также был заставлен тяжелой трапезной мебелью и, хотя был абсолютно пуст, впечатление производил торжественное, будто приготовленный к приему самого могущественного армянского царя дохристовых времен —

Тиграна Великого.

Артем, подумав, что ресторан закрыт, раз внутри, кроме него, никого не оказалось, решил было уйти – и, уже повернувшись, заметил двинувшегося к нему официанта.

– Бари йереко, – поздоровался молодой человек в жилетке и бабочке.

– Добрый вечер, – по-английски согласился Артем. Добавил то же по-русски и по-немецки, намекая на приглашение говорить на удобном языке.

Армянин в ответ улыбнулся русским «Здравствуйте».

– Вы работаете? – поинтересовался Артем.

– Да, хотите поужинать? – кивнув, поинтересовался официант.

– Нет, я сыт, но выпил бы чаю с десертом.

Официант взял со стойки меню и пригласил выбирать любой из десятков столов. Артем присел в центре зала, чтобы почувствовать себя королем, раз уж его так гостеприимно встретили. Официант понимающе не уходил, не будучи особо занят и ожидая вопросов гостя.

– Десерт... посоветуете?

– Мы готовим десерты сами. Гата свежая, пахлава, птичье молоко, наполеон, варенье... Что желаете?

– Гата... Это... такой коржик из теста с сахаром?

– У нас очень вкусная гата. Вам понравится, если раньше пробовали этот армянский десерт.

– Давайте его и чай. Черный.

– С чабрецом, мятой?

– Да, несите и с тем, и с тем.

Официант торжественно кивнул и удалился. Заказанное принес через три минуты, Артем даже не успел осмотреться как следует.

Оригинальный прозрачный чайник с четырех скошенных гранях развлекал взгляд мечущимися внутри чайными листьями попеременно с листьями мяты и чабреца. От двух небольших пирожных из сладкого теста на блюде шел ароматный пар.

– Эх... Монастырская еда... – подмигнув, сказал Артем.

Официант, чуть улыбнувшись, кивнул.

– А что, может, тут есть и коньяк? – снова подмигнув, спросил Артем.

– Конечно. Только у нас не традиционный «Арарат», у нас коньяк от нашего благодетеля, но вам должен понравиться. Не волнуйтесь, это тот же армянский знаменитый коньяк, просто другого завода, нежели вы, наверное, привыкли.

– Несите. Пятьдесят. Нет. Сто... – Артему стало удивительно уютно.

Принесенный янтарный напиток добавил уверенности в этом чувстве.

Артем принял от официанта пузатый бокал; поднял его на уровень глаз, совместив с ближайшим источником света – электрическим факелом, любовался стекающими по стеклу маслянистыми «ножками». Как-то, присутствуя на пре-

зентации коньяков, он узнал, что лезть ноздрями внутрь бокала – как нюхать вулкан: кроме ожога слизистой, не ощутишь величия. Коньячный сосуд надо брать за ножку или снизу за попу, согревая, от своего пупка нести медленно вверх, вдыхая, и тогда хороший коньяк разбудит рецепторы запаха где-то на уровне подбородка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.